

ПИСЬМА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРИАНА, епископа Карфагенского (К 1725-летию со дня кончины)

ПРЕДИСЛОВИЕ

С жизнью и деятельностью священномученика Киприана нас знакомят, главным образом, письма, а затем его биография, составленная, по свидетельству блаженного Иеронима, диаконом святителя — Понтием. Был ли он действительно автором «*Vita S. Cypriani*» (в чем некоторые современные ученые сомневаются), написана ли она кем-то другим, утверждать трудно; несомненно только, что автор ее благоговейно чтит святителя Киприана, но мало что понимал в его деятельности; он, и только он, сохранил несколько драгоценных подробностей из его жизни, и за это мирился и с ограниченностью рассказчика, и с вялой риторикой его рассказа.

Полное имя святителя Киприана: Цецилий Киприан. Было у него и прозвище Тасций, под которым его знал весь Карфаген и которое упомянуто и в официальных документах. Его происхождение и смысл нам не понятны.

Родился он около 210 г. (точная дата неизвестна) в богатой и видной карфагенской семье, получил превосходное по тому времени образование, был преподавателем в риторской школе (тогдашний университет) и занимался адвокатской практикой. О его тогдашней мирской жизни мы ничего не знаем. С внешней стороны она, вероятно, была обычной жизнью состоятельных и культурных людей того времени: серьезные занятия чередовались с развлечениями, приятельской беседой, веселой пирушкой. В аристократических карфагенских кругах молодой профессор был своим человеком; здесь у него завязались дружеские связи, которые не смогли оборвать ни время, ни переход в христианство: когда над ним нависла угроза казни, старые друзья настоятельно предлагали ему спрятаться в надежном убежище (*Vita*, 14).

Почему светский человек, известный адвокат и ритор, до 45 лет пребывавший в язычестве, принял христианство? Автор «*Vita*» упоминает старого священника Цецилиана, который своими беседами «вывел его из мирских заблуждений и привел к познанию истинного Бога» (*Vita*, 4). Святитель Киприан ничего не говорит ни об этих беседах, ни о той внутренней работе, которая вывела его из язычества. Он пишет только о ее конечном результате: «Сомнительное стало определенным, закрытое раскрылось, осветились потемки, трудное стало посильным» (*Ad Donat.*, 3); в Крещении его осенила благодать, совершенно его переродившая.

Его отказ от прежней жизни был резким и полным. После Крещения он повел строгую аскетическую жизнь, роздал значительную часть

своего имущества, не только отказался от чтения языческих авторов (жертва для образованного человека того времени тяжкая), но постарался вычеркнуть их из своей памяти; в его произведениях нет ни одной цитаты из латинских писателей; он занят теперь изучением Священного Писания. Его переход в христианство, конечно, вызвал в языческой среде немало и гневного, и сочувственного изумления; не прошло незамеченным появление нового брата и в христианской общине. Его строгая жизнь, обычай держать дом открытым: войти мог каждый, и «ни одна вдова не уходила от него с пустыми руками... всякий, нуждающийся в помощи сильного, обретал в нем покровителя» (Vita, 3); высокий уровень культуры, дар речи—такие люди встречались не часто. Киприана скоро посвятили в священники, а спустя короткое время, по всеобщему требованию, возвели в сан епископа, несмотря на энергичное его сопротивление. Такое быстрое продвижение вызвало зависть в церковных кругах.

Мы не знаем, какие меры принял святитель Киприан по управлению Карфагенской Церковью, но об их духе можно судить по его письмам до Дециева гонения (1—4). Новый епископ руководит не только своей, Карфагенской Церковью: за советом и помощью к нему обращаются из разных африканских Церквей. Так, епископ какого-то маленького городка растерянно спрашивает, считать ли ему членом Церкви актера, который ушел со сцены (христианская Церковь принимала актеров только при этом условии), но завел у себя своего рода театральное училище: обучает молодежь актерскому искусству (письмо 2-е). В другом месте девиц, давших обет пожизненного девства, уличили в его нарушении. Епископ города, где случилась такая беда, спрашивает святителя Киприана: как быть с этими девицами? — Строго их наказать, отвечает Святитель, но если они не в силах держать свой обет, то лучше разрешить их от него, пусть выходят замуж (письмо 4-е). Стоит запомнить это, проникнутое строгостью и любовью, истинно пастьерское отношение к грешникам: святитель Киприан видит не только вину, но и виновных, учитывает их положение, сообразуется с их духовными силами, хочет уберечь от грехов в дальнейшем. В многотрудном вопросе об отступниках, который коснется всего христианского мира, он сохранит ту же линию поведения.

Упомянутые письма вместе с трактатом «De lapsis» и 11-м письмом (все они разделены небольшими промежутками времени) позволяют догадаться и о печальном состоянии африканских Церквей. Старый епископ Рогатиан жалуется на своего диакона-грубияна: он не в силах с ним справиться*. Нет уважения к сану, утрачено понимание иерархичности. И епископы не всегда на высоте своего положения; подчас они сами не верят в свою силу и значение. Если привычный уклад церковной жизни чем-то нарушен, они приходят в замешательство и боятся принять решение, хотя его и подсказывает церковная дисциплина и практика. Многие епископы, «презрев от Бога возложенное на них попе-

* Трогателен такт, с которым святитель Киприан отвечает бедному старику. Он вида не подает, что понимает, как тот бессилен: «Ты оказал нам почет и поступил с обычной своей скромностью, обратившись к нам»; он деликатно напоминает о его власти: «Ты мог сразу наказать его» и успокаивает обиженного: «Мы, твои собратия, охотно согласимся с любым твоим решением, которое ты епископской своей властью примешь против дерзкого своего диакона».

чение о людях, пекутся о мирских делах» или, «оставив кафедру, бросив народ, скитаются по чужим областям, гонятся за выгодными сделками, занимаются ростовщичеством, обманом и кознями приобретают землю» (*De lapsis*, 6). Среди клира та же погоня за деньгами, ссоры, соперничество. Эти люди «отказались от мира на словах, но не на деле»; вера у них теплохладная, молитва — обязательное скучное занятие, за которым они засыпают (письмо 11-е, I, 2; V, 1). Африканские Церкви нуждались в обновлении. Много и успешно трудился над этим обновлением святитель Киприан, и Дециево гонение только усилило эту его деятельность.

В последних числах декабря 249 г. император Деций, недавно посаженный на трон иллирийскими легионами, издал указ, повелевавший всем жителям Римской империи, без различия религии и национальности, принять участие во всенародной *supplicatio* — молебствии о здравии и благополучии императора и его семейства: состоялось оно из определенных молитв богам, покровителям Рима, и принесения им жертвы, кровавой или бескровной. Указ не был направлен против христиан: найденные в Файюме свидетельства об участии в молебствии были выданы явно язычникам (одно из них — жрице бога Петесуха, крокодила, почитаемого в Файюме), и никакого преследования он не предписывал, как это явствует из дальнейших событий, о которых свидетельствует такой точный свидетель, как святитель Киприан — современник этих событий. Он расколол, однако, помимо своей воли, христианскую общину на две численно неравные части: принесших жертву (большинство) и группу отказавшихся поклониться языческим богам.

Кто были эти люди? Письма священномученика Киприана дают о них ясное представление: это — бедняки, выходцы из простонародья. Культурный уровень их низок; не высок и нравственный: они охотники выпить, побездельничать, пожить на чужой счет. Мир сильных и богатых к ним равнодушен и числит их почти наравне с рабочей скотиной. И сами они чувствуют себя людьми только в церкви и амфитеатре*, накрепко забывая в остальное время о своем человеческом достоинстве.

Христианство поведало этим людям, что они отнюдь не рабочий скот, а дети Божии, что они имеют право обращаться к Богу: «Отец наш», что Господь так любит их, что сошел на землю, страдал и принял крестную смерть и за них, что Он призывает к Себе именно страждущих и обремененных. И на эту неожиданную, немыслимую любовь они отвечают взрывом, пожаром любви, в котором сгорает всё, что притягивало к земле. Они страстно хотят одного: скорее встретиться с Ним, возлюбленным Учителем и Другом, Который ждет их на пороге вечности. Чтобы ускорить эту встречу, они пойдут на мучения, на смерть; они желают себе и друзьям этих мучений и смерти, как желают счастья. И конечно, они не отрекутся от Христа и пребудут верными до смерти; воины Христовы, исповедавшие Его среди разлившегося широкой волной отступничества, они уже не чувствуют себя обыкновенными людьми.

* Цирк — площадь в форме эллипса, на которой происходили конские бега; в амфитеатре давались гладиаторские бои. Простонародная толпа чувствовала себя в обоих местах хозяйкой: она нередко распоряжалась, например, судьбой гладиаторов, требуя или смерти не угодившего ей бойца, или награды, например, отпуска на волю гладиатора, ей понравившегося.

ми: им кажется, что они неизмеримо выше их. В дальнейшем они будут вести себя в соответствии с этим высоким мнением о себе.

Ослушников императорского указа посадили до решения их участи в тюрьму; тюремный режим очень мягок: их толпами посещают единовѣрцы, восхищенные смелостью «добрых исповедников» (письмо 5, II, 1), приходят священники со Святыми Дарами. Власти не обращают на это никакого внимания; вера этих упрямцев им безразлична; их наказывают за нарушение императорского эдикта: высылают на определенный, не очень долгий, срок из родных мест, но в пределы той же провинции. Желаящие могут уехать куда хотят.

Высылка приходилась на конец января, самое позднее — на начало февраля 250 г., а к середине апреля того же года исповедники опять в карфагенской тюрьме, но сейчас с ними обращаются жестоко: мучат голодом, жаждой, духотой (письмо 22-е), пытаются, и пытаются жестоко (письмо 10-е). Теперь они взяты как христиане, и добиваются от них отречения от веры (там же).

«Христианство сеется кровью» — в этих словах Тертуллиана была великая правда; и святитель Киприан понимал великое значение исповедничества и мученичества, чтит мучеников и восхищался ими, как их чтили и восхищались ими все рядовые члены христианской общины. Но он не был ее рядовым членом: епископ, глава Карфагенской Церкви официально, а фактически уже глава и руководитель всех африканских Церквей, человек ясной и трезвой мысли и большого политического такта, он хорошо понимал, в чем нуждается сегодняшний день, и стремился все уладить и устроить с расчетом не только на настоящее, но и на будущее. Он отчетливо видел, что для христиан, которых государство кое-как терпело, образованное общество презрительно не замечало или весело высмеивало, а простонародье откровенно ненавидело, лучше всего держаться в тени и не сосредоточивать на себе внимания. Поэтому он скрылся из Карфагена, когда толпа стала упрямо вопить: «Киприан ко лву!»; поэтому советовал своей пастве не устраивать сборищ, а клиру вести себя, «сообразуясь с обстоятельствами» (письмо 5, II, 1); поэтому «дерзкое превозношение» исповедников впишет горькую страницу в историю африканских Церквей*.

Когда страсти несколько улеглись, отступники, «павшие» (*lapsi*, буквально — «поскользнувшиеся») стали думать о возвращении в Церковь. В какую-то минуту люди эти по голосу сердца или разума перешли в христианство; никакой выгоды в ту пору этот переход не сулил. Из языческого общества они ушли; своим отречением исключили себя из христианского. Язычники над ними злорадно посмеиваются, бывшие единовѣрцы сторонятся. А с христианской общиной их связывали уже многие нити — и деловые, и дружеские, и семейные; теперь они оборваны. И Церковь им уже стала дорогá, им трудно без Причастия. Церковь их не отвергает, но требует длительного покаяния. Святитель Киприан считал, что судьбу павших надо решить по наступлении мирных времен, когда вопрос о них будет обсужден Собором епископов, клиром и народом; пока что им надлежит смиренно и сокрушенно каяться (письма 15, II, 2 и 17, II, 2). Можно было, однако, с просьбой о ско-

* Святитель внушал исповедникам, что они должны вести себя тихо и смиренно, не надмеваясь и не превозносясь: «настоящий исповедник тот, которым Церковь гордится, а не тот, за которого она краснеет».

рейшем прощении обратиться к исповедникам: пусть походатайствуют перед епископом. И все сильнее обнаруживается среди клира тенденция легко, почти без покаяния, возвращать отступников в Церковь.

Обращение к исповедникам было в обычае (о нем сообщает уже Тертуллиан), и ничего беззаконного и греховного тут не было. Рассказ святого Дионисия Александрийского, сохранившийся у Евсевия Памфила (Церковная история, VI, 42, 5—6), свидетельствует, как благостно и мирно, благодаря разумной снисходительности исповедников, улаживались отношения между павшими и Церковью. Так было бы и в Карфагене, не вмешайся враги святителя Киприана.

Мы можем с некоторой уверенностью определить состав этого вражеского стана: тут были павшие, которых епископ не соглашался вернуть в Церковь только по просьбе исповедников; священники, которым он пригрозил запрещением за то, что они допускали павших без покаяния к Причастию (вероятно, в расчете на какие-нибудь земные блага: вспомним, что большинство павших были люди с весом и состоянием); тут же были, конечно, и старые недоброжелатели Святителя, когда-то противившиеся его избранию в епископы. Во главе стоял мирянин Феллиссим — человек очень влиятельный и богатый. Этим людям надо сместить святителя Киприана с епископской кафедры и взять управление Церковью в свои руки, но тут нужно идти окольным путем, так как прямая атака на епископа кончится поражением: карфагенские христиане любили и почитали своего предстоятеля; простой народ, чью нужду он всегда старался облегчить, был ему особенно предан. Вся христианская Африка прислушивалась к его голосу. Сломать эту популярность и авторитет можно было только подняв против епископа людей, чей авторитет стоял не менее высоко, кого чтили как святых, — надо двинуть на епископа исповедников. Окольный путь найден.

Мы говорили уже, что исповедники были людьми малой культуры. С христианскими догматами они едва знакомы; значения таких таинств, как Покаяние, Евхаристия, Священство, не понимают. Слова святителя Киприана о Лукиане, главе исповедников: «мало наставлен Священным Писанием» (письмо 27, I, 1) и плохо его понимает (там же, III, 2), можно отнести к большинству исповедников. И в то же время они преисполнены сознанием своего особого достоинства и преувеличенно оценивают свои права и силы. Благоговейное почитание верующих кружит им голову: они «угорели от своей славы» (письмо 16, III, 2). Стоит умело поддаться такому угару, и эту невежественную силу можно двинуть в любом направлении; деятельное невежество страшно.

Враги святителя Киприана умело использовали все обстоятельства, бывшие им на руку: его непреклонное требование длительного покаяния, тоскливое нетерпение «павших», гордость исповедников. Убедить «павших», что исповедники вправе «дать мир», было легко («Кто, умирая, упустит возможность ожить? Кто не поспешит навстречу своему спасению?» (письмо 15, II, 1)); не стоило большого труда объяснить и исповедникам, что они, друзья Христовы, будущие судьи мира, имеют право и власть простить отступников и вернуть их в Церковь, не настаивая на покаянии *. Епископ никогда с этим не согласится; он воору-

* Св. Киприан так писал о тактике своих врагов: «Они давно льстили некоторым исповедникам и уговаривали их не быть в согласии со своим епископом и не повинно-

жит против себя «павших», считающих себя уже примиренными с Церковью, поссорится с исповедниками, обиженными непризнанием их «прав», оттолкнет от себя народ, который так чтит исповедников и так им доверяет. Против него единым строем встанет вся христианская община — епископу не устоять.

Все это обдумывалось, обсуждалось, готовилось с весны, и уже в конце ее было приведено — и с большим успехом — в действие. События разворачивались бурно: исповедники, утвердившись в сознании своей мощи, «ежедневно тысячами раздавали записки» (письмо 20, II, 2), составленные скорее в тоне приказа, чем просьбы: «принять такого-то в общение вместе со своими присными» (письмо 15-е). И в заключение епископ получил письмо, исключительное по грубости тона и дерзости содержания. «Все исповедники — епископу Киприану: знай, что мы дали «мир» всем, кто отчитается перед тобой в том, что делал после совершенного*. Мы хотим, чтобы ты сообщил и прочим епископам это предписание. Желаем тебе пребывать в мире со святыми мучениками», — писал Лукиан (письмо 23-е)**.

Письмо это, о котором святитель Киприан писал, что оно уничтожает веру, страх Божий и евангельские заповеди (письмо 27, II, 1), и которое сравнивал с факелом, разжегшим пожар, оказало действие немедленное: в нескольких городах толпа кинулась на предстоятелей Церкви и силой заставила их признать «мир», данный исповедниками; в Карфагене «некоторые смутьяны пытались добиться подтверждения «мира», уже полученного от исповедников» (там же, III, 1—2); павшие, чье воссоединение с Церковью епископ отказался признать, возмущались и негодовали; в народе шло брожение (письма 16, I, 1 и 17, II, 2); много исповедников перешло во вражеский стан (письмо 21-е и 22-е).

Видна ли им была та беда, которую они в слепой ненависти к одному человеку навлекали на всю Церковь? Людям, поглощенным своекорыстными расчетами, занятым только собой и своим благополучием, мысль о Церкви, вероятно, и не западала в голову.

ваться с верой и в спокойствии, согласно заповедям Господним, требованиям церковной дисциплины... Мало им было совратить некоторых исповедников, вооружить их против епископа Божия и порвать узы братства между людьми — они обратили свою ядовитую ложь на гибель «павших» и, ложно обещая мнимый мир, зовут к дерзостным и губительным поступкам» (письмо 43, II, 1—2).

* *Commissum* — так прикровенно обозначается акт отречения.

** Переписка св. Киприана с исповедниками и об исповедниках повествует о том, что происходило в действительности, и о том, что было бы епископу желательно. Может быть, кое-кто из исповедников писал ему вежливые письма, прося рассмотреть их просьбы и «дать мир» некоторым павшим, чтобы «по окончании преследования» они начали «собираться вместе с клиром» (письмо 15, I, 2). «Писали и просили меня, — говорит Святитель, — рассмотреть их просьбы и «дать мир» после того, как по милости Божией сама Мать паша обретет мир и мы вернемся в нашу Церковь» (письмо 16, III, 2). Не исключена, однако, и возможность, что в этих словах заключался урок: епископ с тактом, присущим ему в житейских отношениях, подсказывал исповедникам, как они должны ему писать, а не укорял их прямо в грубости. Но по всему ходу событий видно, что письма стиля «принять такого-то в общение» были обычны, «раздавались ежедневно тысячами без разбора и рассмотрения каждой просьбы» (письмо 20, II, 2). Увещения исповедникам «осторожно и внимательно взвешивать желания просищих» были вряд ли исполнимы хотя бы уже потому, что исповедники оказались в осаде («Я слышу, мужественные и дорогие братья, что на вас нажимают и вас гасилуют люди бесстыдные»). Вокруг простодушных и самозабвенных простецов закипел бесстыдный торг: «записки выпрашивают для людей сильных и влиятельных, желая им услужить, а то и просто ими торгуя» (письмо 15, III, 1—2).

Святитель Киприан увидел, что ей грозит. Признать за исповедниками, т. е. мирянами, право отпускать грехи — значило отдать Церковь во власть любого, кто этой власти захочет, будь то святой или проходимец; это значило уничтожить значение таинств, объявить ненужной благодать Духа Святого, полученную апостолами по обетованию Христову и передаваемую преемственно их заместителям и ставленникам. Дело шло о самом существовании Церкви. Эти страшные дни были днями ее возрождения, и велика была тут заслуга святителя Киприана.

Святитель Киприан называл Церковь Матерью всех христиан, считал, что жить с Церковью, нести на себе ее тяготы и заботы, трудиться в ней и для нее есть общее дело всех ее детей. С первых же дней своего епископства он вводил в атмосферу этого общего дела и клир и паству (письмо 14, IV). Сейчас он обратился к клиру с горячим призывом к покаянию, укорил его в лени и бездеятельности, вменил в обязанности наставлять и обуздывать исповедников. С мирянами, со своим клиром и с епископами других городов он делится письменно своими мыслями о положении Церкви, своими намерениями и решениями; копии этих писем просит распространять как можно шире. Все введены в ход событий, все ссылаются на работу. Судьбой павших обязаны заняться все христиане, а вовсе не один епископ, не только епископский Собор. Священники несут ответ за отступившихся, в их гибели виноваты они, не исполнившие своего долга — учить и наставлять. Все члены Церкви скорбят о павших, но одной скорби мало; епископ обращается к своей пастве с просьбой: братья должны по-братски помочь отступникам и своими спокойными, разумными советами направить их на верный путь — пусть подождут того недалекого времени, когда всё успокоится и на Соборе епископов дело каждого, получившего «записку» от исповедников*, рассмотрено будет «в присутствии и при вашем участии и обсуждении» (письмо 17, I, 2, «ко всему народу»). «Безоглядные и самонадеянные» священники, допускающие павших к Причастию без покаяния, будут «защищаться перед нами, перед самими исповедниками и перед всем народом» (письмо 16, IV, 2). Клирики, считавшие, что совершением служб и делами благотворительности они исполняют весь круг обязанностей перед Церковью и перед людьми; рядовые члены христианской общины, думавшие, что, посещая церковные службы и кладя свою лепту в кружку на содержание клира, они совершают всё, что от них, как христиан, требуется, вдруг увидели, что на них на всех лежат обязанности гораздо большие и ответственность более тяжелая. Миряне призваны к обсуждению дел, касающихся всего христианского мира, к их голосу будут прислушиваться; виновные священники произнесут перед ними свои оправдания. Сам епископ просит их «руководить» (gegere — «направлять», «руководить с сознанием права и власти») павшими. И клир, и миряне привлечены к великому общему делу: участие к великому поднимает и укрепляет самые робкие души. Ленивый клирик и равнодушный прихожанин преобразуются в ревностных служителей Церкви. Перед строем бездумных разрушителей Церкви выстраивался строй ее сознательных защитников.

* «Павшие», получив такую «записку» и считая, что они уже возвращены в Церковь, особенно негодовали на отказ епископа согласиться на дарованный им мир. Дела этих недовольных и надо было разобрать в первую очередь.

В первом ряду их стояли священнослужители, преданные Церкви и разделявшие мысли епископа. Некоторых мы знаем по именам*; другие неизвестны, но святитель Киприан не однажды упоминает «коллег» своих, с ним единомысленных (письма 25, 1, 2 и 26, 2). Он собрал и сплотил «добрых и верных рабов», а тут еще большую помощь и поддержку оказала Римская Церковь.

Карфагенская Церковь находилась с ней в постоянном общении; ее не считали первенствующей, но относились с глубоким почтением: она была старейшей, и основал ее сам апостол Петр. Обе Церкви всегда обменивались церковными новостями и сообщали одна другой свои постановления и решения. В соответствии с этой традицией римский клир уведомил святителя Киприана письмом о кончине своего епископа Фабиана, последовавшей 20 января 250 г.; письмо это (оно утеряно) для передачи святителю Киприану вручено было иподиакону Крементию, по какому-то делу приезжавшему в Рим. Ему же вручили и другое письмо. Он передал оба своему епископу.

Второе письмо, безграмотное (перепутаны падежи, род имен существительных, спряжения глаголов), составленное с нарушением обязательных требований эпистолярной формы (не названо имя писавшего, не указан адресат), написано было, несомненно, клириком весьма скромного ранга (вряд ли бы в Риме III в. допустили на высокие церковные ступени человека, завершившего свое образование школой грамоты). Он близко знаком с деятельностью Церкви в дни гонения и как-то в ней сам участвует: письмо пестрит местоимениями первого лица — «мы — мы». С важной самоуверенностью недалекого человека, который сам любит себя, сыплет он поучения карфагенянам, ставя им в пример римский клир. С явным удовольствием подобрал он слухи и сплетни, витавшие вокруг святителя Киприана, покинувшего Карфаген, и весьма недвусмысленно обозвал его наемником, бросившим при появлении волка доверенное ему стадо. При этом он не упустил случая наставить карфагенский клир: «Вы будьте не наемниками, а добрыми пастырями» (письмо 8, II, 1). Поднять забрало он, однако, не решился: назвать себя и указать, кому письмо направлено, у него не хватило духу.

Письмо это святитель Киприан отослал обратно, выразив сомнение, от римского ли оно клира (письмо 9, 1—2). Как бы, однако, оно ни было написано, но оно ясно показало ему, какие недобрые толки ходят о нем в Риме; молча отмахнуться от них было нельзя: они не только пятнали доброе имя епископа, они подтачивали добрые старые отношения между двумя Церквями. Святитель Киприан и не отмахнулся: «Я узнал, дорогие братья, что вам сообщили недобросовестно и неверно о том, что я делал и делаю. Поэтому я счел необходимым написать вам это письмо и отдать вам отчет в моих действиях, моем усердии и вер-

* Известны, например, священники: Рогатиан, через которого св. Киприан передавал своему клиру деньги для раздачи бедным (п. 7, 2); Тертул, ведший Карфагенский мартиролог (п. 12, II, 1), следивший за настроениями в Карфагене и удерживавший епископа от преждевременного возвращения в Карфаген (п. 14, I, 2); Нумидик, священствовавший в каком-то городе, где язычники чуть не убили его (св. Киприан взял его в свой клир); Геркулан и Кальдоний, осторожный, разумный человек, умевший думать самостоятельно, но считавший неуместными и непрочными единоличные решения (п. 24, I, 2).

ности церковным уставам» (письмо 20, I, 1), и далее он очерчивает круг своей деятельности и ее содержание. К этому письму он приложил копии тринадцати писем, написанных за время его отсутствия в Карфагене; письма эти убедительно свидетельствовали, что за это время ничего не случилось в церковной жизни, что ускользнуло бы от зорких и внимательных глаз епископа. Он руководил клиром, посылая ему свои распоряжения: указывал исповедникам, как они должны вести себя, звал «все братство» к покаянной молитве; одобрял и воодушевлял мучеников; убеждал их осмотрительно раздавать «записки» павшим; грозил запрещением своевольным священникам, допускавшим без покаяния к Причастию; разрешил «давать мир» павшим, находившимся на смертном одре*. Мы не знаем, насколько в Риме были согласны с автором восьмого письма**, но письма, присланные святителем Киприаном, рассеяли все подозрения, а кроме того, римский клир был, конечно, польщен тем, что епископ Карфагенской Церкви, первой после Рима на Западе, счел необходимым отчитаться перед ним в своем поведении. Добрые отношения были восстановлены; наладилась оживленная переписка. Святитель Киприан получил от «священников и диаконов, в Риме пребывающих», письмо, написанное с блеском и силой умной, несколько тяжеловатой, риторики***. Горячо одобрено его намерение решить участь павших по наступлении мирных времен и не единолично, а на Соборе, в котором примут участие епископы, священники, диаконы и «устоявшие в мире» миряне. О столь великом преступлении, совершенном многими, решение может быть вынесено только «согласно судом многих» (письмо 30, V, 3); пока что павшие должны терпеливо ждать и каяться, поняв, что их раны требуют медленного, неспешного лечения: «пусть стучат в церковные двери, но не ломают их... пусть воспевают молитвы, но не воинственные марши...» (письмо 30, VI, 3). Написали и римские исповедники (письмо 31-е): «Не можем умолчать о том, что нам доставило особенную радость: мы узнали, что ты с подобающей строгостью укорял тех, кто, забыв о преступлении своем, во время твоего отсутствия торопливо и неотступно вымогали «мир» у священников; укорял и тех, кто, забыв об Евангелии, слишком легко раздавали святыню Господню...». Одобривши они и его решение созвать Собор: «Такое великое преступление следует, как ты и пишешь, рассмотреть собранию епископов, священников и диаконов и мирян, устоявших в мире» (там же, XI, 2). От этих же исповедников — еще раньше — пришло письмо исповедникам карфагенским: их укоряли за слишком легкомысленную раздачу «записок» (письмо 27, IV).

Что же в это время делала «партия Фелициссима», как назвал этим обобщающим именем своих врагов святитель Киприан? Надежда их рухнула: сместить епископа не удалось; о полномочном хозяйничаньи

* Клиру были адресованы письма: 5-е, 7-е, 11-е, 12-е, 14-е, 16-е, 18-е, 19-е; народу — 17-е; исповедникам — 6-е, 10-е, 13-е, 15-е.

** Считал ли св. Киприан, что восьмое письмо написано от всего римского клира («я читал ваше письмо, которое вы недавно направили нашему клиру через иподиакона Крементия» (п. 20, III, 2), он явно не обнаруживает и только с обычным для него тактом делает вид, что сомневается, действительно ли это письмо от клира (п. 9, II, 1—2). Так как автором письма был, несомненно, клирик, то это давало право писать: ad vos — «вам».

*** Автором его был священник Новатиан — впоследствии организатор раскола.

в Церкви нечего было и мечтать. Святитель Киприан действовал энергично; быстро сплотились ряды его сторонников; на его стороне был и Рим. Отказаться от борьбы и отступить противники всё же не хотели, и принято было решение: в противовес «Церкви Киприана» основать новую, свою, в расчете, главным образом, на павших, чье богатство и влияние могли оказаться для новой церкви хорошей опорой. Клир для нее был налицо: священники, недовольные распоряжениями епископа, испуганные угрозой запрещения (письмо 16, IV, 2); заматерелые враги его, из среды которых Фелициссим выбрал себе епископа (в этот сан его посвятили пятеро отлученных епископов (письмо 59, X)). В новую церковь устремились павшие, прельщенные обещанием быстрого прощения; пришли исповедники, обидевшиеся на святителя Киприана за отказ признать разрешительную силу их «записок»; присоединилось сбитое с толку простонародье, не знавшее, куда пристать (письмо 41, I, 2). К началу или середине лета новая церковь была уже вполне организована.

Члены ее чувствовали себя, однако, неуверенно и обратились к святителю Киприану с письмом (оно утеряно, о его содержании можно догадываться по ответному письму Святителя) *, в котором «от лица церкви» требовали подтверждения дарованного им «мира». Святитель Киприан ответил решительно: «Да не будет того, чтобы отряд (питегус) павших называл себя «церковью». Памятуя о своем преступлении, надлежит им быть покорными, тихими и смиренными, а не писать от имени «церкви», зная, что они обращаются к Церкви» (письмо 33, I, 2). Тон письма свидетельствует, как твердо чувствует себя епископ.

Фелициссим, принадлежавший, видимо, к людям, которым легче действовать, чем думать, насильнически-грубо вмешался в распоряжения святителя Киприана. Епископ отправил в Карфаген комиссию из двух епископов и двух священников, которым вручена была какая-то сумма: «Помогите из этих денег братьям нашим; если кто захочет заняться своим ремеслом, удовлетворите их желание, добавив столько, сколько потребуется, и одновременно разберитесь, каков их возраст, положение, нравственный облик... и хочу достойных, смиренных и кротких продвинуть на церковные должности» (письмо 41, I, 2). Ошибемся ли, думая, что епископ имел в виду исповедников? Уровень жизни ремесленника, изо дня в день занимавшегося своим ремеслом, сильно понижался только по причине каких-либо катастроф, личных или общественных (длительная болезнь, пожар, междоусобица и т. д.). Ремесленник-исповедник возвращался к разбитому корыту: старые заказчики перешли к другому мастеру, инструменты заржавели или пропали, материала для работы не было. Помощь епископа была как нельзя более кстати: спустившись с героических высот исповедничества, человек получал возможность отдохнуть, отдышаться, войти в колею спокойной созидательной работы. С епископом его отныне связывала благодарность за доброе участие, за помощь, поданную в очень трудную минуту. Приглашение на церковную работу было большой честью; если сре-

* По хронологическим расчетам современных исследователей, оно написано в августе 250 г. К этому времени новая церковь была уже в действии; она называлась «церковью на горе» — по холму, где жил Фелициссим и где собирались прихожане этой церкви.

ди карфагенских исповедников жило еще чувство раздражения и досады на святителя Киприана, то доброе и тактичное поведение епископа должно было его угасить и развеять. Фелициссим, видимо, это понял и испугался; он не только помешал работе комиссии, но и пригрозил изгнать из своей церкви тех, кто пожелал бы послушаться Святителя. «Радуюсь, что большинство братьев отошло от дерзкого, предпочитая остаться с Матерью-Церковью и получать помощь от ее епископа», — писал святитель Киприан (письмо 41, II, 1). Он отлучил Фелициссима и его приспешников от Церкви, и на Соборе (весна 251 г.) его решение было подтверждено. Фелициссим метнулся в Рим к недавно избранному Римскому епископу Корнилию, но был прогнан.

«Церковь на горе» явно доживала последние дни. Дело было не только в отлучении ее главарей, хотя, конечно, и оно произвело впечатление на павших — главных прихожан новой церкви. Из самого факта их обращения к святителю Киприану, несмотря на требовательный и дерзкий тон письма, можно заключить, что они понимали шаткость своего положения. С одной стороны, Церковь, несокрушимо твердая, существующая уже третье столетие, пребывающая в согласии и единении и с местными Церквями, и с Римской Церковью, возглавляемая человеком такого авторитета, как святитель Киприан, и с другой — «церковь на горе», никому неизвестная, никем не признанная, руководимая подозрительными, под отлучением находящимися людьми. Разница была в глаза. А тут еще вот-вот должен открыться Собор, участники которого к новой церкви отнюдь не благоволили. А Собор будет решать участь павших. И раскольники смиренно потянулись к Матери-Церкви.

Собор открылся ранней весной 251 г. и сразу же занялся судьбой павших, разделив их по степени виновности на две категории: в одну вошли действительно принесшие жертву (*sacrificati, thurificati*), в другую — в жертвоприношении не участвовавшие, но имевшие свидетельство об участии в нем (*libellatici* от *libellum* — «свидетельство»)*. Последние получили прощение; принесшие жертву на самом деле должны были пока что ждать и каяться.

Эта весьма разумная мера (она возвращала в Церковь немалое, вероятно, число истомившихся людей и, раскалывая лагерь отступников, уменьшала число недовольных) вызвала, однако, в некоторых церковных кругах недоуменный ропот, обращенный на святителя Киприана, которого с полным, надо думать, основанием, считали эту меру подсказавшим. Нумидийский епископ Антониан написал по этому поводу Святителю, и тот ответил ему длинным, весьма примечательным письмом, рисуящим его и как пастыря, озабоченного спасением своего стада, и как государственного человека, который понимает, что в запутанных земных отношениях нельзя обойтись без компромиссов, что абсолютная истина остается абсолютной, но руководствоваться ею приходится не в безвоздушном пространстве, а в конкретной обстановке, временной и местной, в общении с живыми людьми, чьи нужды и пот-

* Все участники языческого молебствия получили официальный документ, удостоверявший их участие. В Файюме (Египет) найдено сорок таких документов. В римской Африке их тысячами изготовляли по определенному образцу в канцелярии проконсула, и они стали предметом бойкой торговли для мелких канцелярских служащих, у которых эти «свидетельства о благонадежности» раскупались людьми, не желавшими совершать языческие обряды, но боявшимися попасть в число нарушителей эдикта.

ребности нельзя не учитывать: «надо уступать требованиям времени» (письмо 55, VII, 2; XI, 1); нельзя судить людей оптом: «надо рассматривать дело каждого в отдельности» (там же, XVII, 3), памятуя, что «сурово и жестоко оттолкнутый от Церкви может вернуться к язычникам или перейти к еретикам и раскольникам». Не только либеллятики, виноваты в заблуждении, заслуживают милости, но и людей, принесших жертву идолу, следует судить не по их поступкам, а по тем побуждениям, которые их на этот поступок подвинули. Одинаково ли виноваты тот, кто, узнав об эдикте, сразу же со всем своим домом кинулся на форум творить волю императора, и тот, кто взял грех на себя одного, принеся жертву за всех домашних и знакомых, и тем самым избавил их от участия в языческой церемонии*, а потом искупал свою вину, приняв под свой кров высланных и бежавших и всячески им помогая (там же, XIII, 2).

Деций погиб на войне летом 251 г. Преемником его стал его соратник — Требониан Галл. Ходили слухи о том, что христиане вновь будут преследуемы, и Собор 252 г. постановил простить всех павших: «Уступая необходимости, решили мы всем, кто не отходил от Церкви Господней и с первого же дня своего падения не переставал каяться, скорбеть и молить Господа, дать мир... вернуть в Церковь надо теперь не слабых, а сильных, не умирающих, а готовых жить... **», не оставим их перед битвой без доспехов и оружия, дадим в защиту Тело и Кровь Христовы» (письмо 57, I, 2; II, 2). Гонения, однако, не случилось, пришла другая беда: чума, начавшаяся в Эфиопии и в течение 20 лет бродившая по всему Средиземноморью, посетила Карфаген (252—253 гг.).

Эти страшные дни вписали одну из самых светлых страниц в биографию святителя Киприана. Среди общей растерянности, бездействия властей, потерявших голову, ошеломляющего озверения нравов он был единственным, кто сохранил спокойствие, трезвость мыслей и несокрушимую энергию. Он сумел организовать свою паству в общество помощи несчастному городу, причем помощь оказывалась безразлично — как христианам, так и язычникам. Богатые давали деньги, бедные то, что дороже денег, — свой труд. «Совместными усилиями многих творилось то, что было благом для всех» (De mort., 10).

Следующие годы были годами относительно спокойной жизни: святитель Киприан созывал Соборы и руководил ими, писал послания, представляющие иногда собой небольшие богословские трактаты; внимательно следил за церковной жизнью на Западе***, вел оживленную переписку с Римом, содействовал признанию недавно избранного на Римскую кафедру Корнилия и помогал ему в его борьбе с Новатиа-

* Свидетельство это весьма примечательно: Евсевий, подчеркивая свирепость преследований, пишет, что к принесению жертв вызывали всех поименно — *двоицати* («Палестинские мученики», 8). Из слов св. Киприана явствует, что по крайней мере в Африке такой практики не было и императорский эдикт ее не предписывал.

** Павшим, тяжело больным и находящимся при смерти, еще летом 250 г. св. Киприан разрешил давать отпущение грехов и причащать их.

*** О том, каким авторитетом пользовалась Карфагенская Церковь, можно судить по тому, что две испанские Церкви, смущенные тем, что им поставили епископами людей, запятанных отступничеством, обратились с жалобой не в Рим, а к Карфагенскому епископу. Св. Киприан рассмотрел их письмо на Соборе (254 г.) и ответил коллективным письмом от имени 37 епископов, на этом Соборе присутствовавших.

ном *. Важнейшим вопросом в эти годы (рассмотрением его были заняты три Собора: в 255 г.—при участии 31 епископа; весной 256 г.—при участии 71 епископа, в том же году осенью—при участии 87 епископов) был вопрос о том, надо ли крестить еретиков, возвращающихся в Православие.

Непосредственных указаний по этому поводу не было в апостольских Посланиях; ничего об этом не говорили и ближайшие их преемники. С давних времен установилась местная практика, которой послушно и следовали: весь Восток и Африка считали, что еретиков надо обязательно крестить, ибо еретическое крещение не есть настоящее таинство; на Западе, в Риме, ограничивались возложением рук. На Соборе, созванном в Карфагене епископом Агриппином, предшественником святителя Киприана, и на двух малоазийских Соборах (в Иконии и Синнаде) местная восточноафриканская практика была подтверждена.

Почему в Африке забеспокоились и усомнились в ее правильности? Вследствие того оживления церковной жизни, мощный толчок которому дан был святителем Киприаном, стали думать о том, чего раньше бездумно придерживались? Смущала разница с практикой Запада? Во всяком случае вопрос о крещении еретиков—«на повестке дня»: разъяснения у святителя Киприана спрашивают и миряне, и епископы (письмо 69-е, к мирянину Магну, к Мавританскому епископу Юбайану; к Нумидийскому Квинту—письмо 71-е); восемнадцать нумидийских епископов отправили коллективное письмо Собору, заседавшему в Карфагене (255 г.), с просьбой разрешить их сомнения. В ответ они получили соборное постановление: еретиков надо обязательно крестить, потому что «никто не может быть крещен, пребывая вне Церкви»; еретическое крещение есть только профанация Таинства (письмо 70-е). На Соборе следующего, 256 года это постановление было подтверждено. По давно установившемуся обычаю обмена церковными решениями, святитель Киприан написал Римскому епископу Стефану об этом торжественном подкреплении старой карфагенской практики. Письмо, спокойное и вежливое, заканчивалось словами: «Мы никого не насилуем и никакого закона не предписываем: предстоятель каждой Церкви волен поступать по своей воле и своему усмотрению; ответ за свои действия он даст Богу» (письмо 73, III, 2). Это письмо вместе с актами Собора повезли в Рим.

Поведение Стефана превзошло всякую меру грубости и бестактности. Он не только не принял африканцев, но запретил римским христианам пускать их к себе в дом. Святителя Киприана он обозвал лукавым работником, лжехристианином и лжеапостолом и пригрозил отлучением от Церкви и Африке, и православному Востоку, если они не послушаются его, «епископа епископов», и не примут по отношению

* Новатиан был по своему образованию и дару речи одним из самых видных членов Римской Церкви. Говорили, что он метил в епископы, и когда на епископский престол был избран Корнилий, выступил его противником, заставив рукоположить себе нескольких епископов, плохо разбиравшихся в том, что происходит в Риме. Он же был основателем раскола, названного по его имени: новатриане утверждали, что как бы таковые ни калялись, прощения они не получают; смысл покаяния уничтожался, на что указывал и св. Киприан (п. 55-с, XXVIII, 1—2). Ересь Новатиана задела Африку краем и никакого волнения в африканских Церквях не произвела, самое большое—смущала лишь некоторых епископов.

к еретикам римского обычая. Возмущение затронутых Церковью было всеобщим; Фирмиллан, епископ Кесарии Каппадокийской, которого святитель Киприан уведомил обо всем случившемся, прислал сочувственное письмо Святителю, в котором, не обвиняясь, назвал Стефана глупцом (письмо 75, XVII, 1) и сказал, что, отлучив все Восточные Церкви (включая Африку), он, Стефан, по существу, отлучил от Церкви самого себя (письмо 75, XXIV, 2). Святитель Киприан ответил Собором (1 сентября 256 г.). Протокол этого Собора, озаглавленный «Мнения 87 епископов о необходимости крещения еретиков», с «сентенцией» всех его участников сохранился.

Заседание началось с прочтения писем о крещении еретиков, которыми обменялись епископ Юбайан и святитель Киприан, послания предшествующего Собора Стефану и его угрожающего ответа. Затем святитель Киприан, как председатель Собора, обратился к присутствующим: «Вы слышали, дорогие коллеги, письмо епископа Юбайана, советовавшего со мной о незаконном и нечистом крещении у еретиков, и мой ответ, содержащий неоднократно высказываемое мною мнение, что грешников, возвращающихся в Церковь, должно крестить и освятить крещением в Церкви. Прочтено вам и другое письмо Юбайана, в котором он, искренний и благочестивый, не только выражает свое согласие со мной, но и благодарит меня за то, что теперь он наставлен. Теперь остается каждому из нас выразить свое мнение по этому поводу, никого не осуждая и не отлучая за иной образ мыслей. Никто из нас не поставляет себя епископом епископов и не принуждает, тиранически запугивая, своих коллег к непременному повиновению. Каждый епископ свободен и может пользоваться своей властью по своему усмотрению; он не может судить другого и другим не может быть судим. Подождем все суда Господа нашего Иисуса Христа, Который один имеет власть и ставить во главе Своей Церкви и судить о наших действиях». Затем каждый епископ (в протоколе названо имя и город, в котором он занимал кафедру) излагал свою «сентенцию». Мнения были единодушны.

Протокол этого Собора позволяет составить географическую карту, показывающую, как сильно было распространено христианство в Африке; вместе с актами других Соборов он дает сведения еще более драгоценные: позволяет увидеть духовный облик ее предстоятелей. Эти люди знают, что они в ответе за каждую душу, вверенную их попечению, понимают, как велика их власть и как тяжела ответственность, поэтому вопрос о крещении еретиков, возвращающихся в Церковь, так горячо обсуждают, спрашивают, думают, спорят. И с прощением падших не все обстоит гладко: были споры и разногласия (см. письмо 55-е, к епископу Антониану). От их решения зависит судьба многих и многих; вернуть в Церковь отступников имеют право они. Мнение святителя Киприана имеет для них, конечно, большой вес: с ним соглашались, может быть, после долгого внутреннего борения, но не по грубому и властному окрику, а по искреннему убеждению; на принятом решении стоят крепко. Все чувствуют себя членами Единой Святой Вселенской Церкви; для епископа маленького африканского городка беда далекой испанской общины — своя беда, и он обязан прийти на помощь. Хозяин в своей округе, он помнит, что за дела свои он ответит Богу: он Его слуга, Им поставленный; он ходит пред Лицом Его. И это слу-

жение облакает его достоинством, только его сану присущим. Трудно представить, чтобы эти люди унизили себя, гоняясь за наживой, занимаясь ростовщичеством: перед тем, что даровано им свыше и цену чего они знают, золото всего мира — прах и пепел. Своей деятельностью, своим словом, обаянием своей личности святитель Киприан вырастил людей, которые служили Церкви всем сердцем и всем разумением своим.

А над Церковью нависал уже страшный удар: в 257 г. началось действительное гонение, предписанное императором Валерианом. Первым эдиктом было запрещено христианам под страхом смертной казни собираться на кладбищах (обычное место их собраний и богослужения: часовни и церкви строились на кладбищах). Члены клира должны были принести жертву языческим богам. В августе 258 г. последовал второй эдикт, повелевавший епископов, священников и диаконов казнить, если они будут упорствовать в своем исповедании.

О судьбе святителя Киприана в эти годы повествуют *Acta proconsulari* — протоколы двух допросов, учиненных епископу проконсулами этих лет. Эти протоколы неизвестный клирик связал краткими сообщениями о том, что происходило между двумя допросами, и к ним добавил рассказ очевидца смерти Святого. Все вместе составило краткий отчет о его последних днях; его читали в Церкви в день, когда «совершали память» Священномученика. Рассказ очень прост, сух, лишен всяких литературных прикрас и очень точен в передаче всех подробностей ареста, допроса, казни.

После первого эдикта проконсул Патерн вызвал святителя Киприана, предложил ему совершить «римские церемонии», т. е. принести жертву богам, и после его отказа выслал его в прелестный приморский городок Керубис, километрах в 150 от Карфагена; по словам Понтия, епископа часто навещали христиане; жители города очень его любили и доставляли ему все нужное (*Vita*, 12).

Святитель Киприан пробыл в Керубисе год в ожидании приговора. За это время он привел в порядок церковные дела, какие того требовали; распорядился о раздаче бедным остатков своего имущества, отправил щедрую посылку христианам, сосланным в Сигузийские рудники. В августе 258 г. его вызвал проконсул Галерий Максим. Епископ приехал в Карфаген и поселился, в ожидании ареста, в своем доме. Тут он узнал о втором эдикте Валериана, о казни Римского епископа Сикста и четырех его диаконов; уведомил обо всем епископа Сукцесса и поручил ему «сообщить об этом и прочим собратиям... чтобы повсюду могли они укрепить братьев и подготовить их к духовной борьбе... пусть радуются, а не боятся исповедничества... воинов Божиих и Христовых не убивают, а увенчивают» (письмо 80, II). Проконсул, между тем, уехал в Утику и послал за святителем Киприаном, но епископ скрылся; он пишет в своем последнем, прощальном письме «священникам, диаконам и всему народу», удивительном по своей силе, теплоте и какому-то, уже нездешнему, спокойствию: «Приличествует епископу исповедать Господа в том городе, где он стоял во главе Церкви Господней... честь нашей, столь славной Церкви будет умалена, если приговор мне будет произнесен в Утике, и я оттуда как мученик пойду к Господу; я же всегда усердно молился и просил, чтобы произнести мне свое исповедание у вас, здесь пострадать и отсюда, как мученику, пойти к Госпо-

ду... я ожидаю возвращения проконсула в Карфаген, а там услышу от него императорское повеление...» (письмо 81, 2—3).

Когда Галерий прибыл в Карфаген, епископ вернулся в свой дом, и 13 сентября за ним приехали двое офицеров из штаба проконсула. Епископа почтительно усадили в коляску, и так как проконсул отложил дело до завтра, то святитель Киприан провел свою последнюю ночь в доме одного из вышеупомянутых офицеров. Около дома собралась огромная толпа христиан; узнав об этом, епископ поручил клирикам охранять девушек; толпа не расходилась всю ночь. К проконсулу епископа провожало такое же множество народа. Вот запись об этом последнем допросе Святого:

«Галерий Максим, проконсул, сказал епископу Киприану:

— Ты Тасций Киприан?

— Да, я.

— Ты был главой безбожных людей?

— Да.

— Священнейшие императоры велели тебе принести жертву.

— Не принесу.

— Подумай о себе.

— Делай, что тебе приказано. В деле, столь справедливом, нечего раздумывать.

Галерий Максим, поговорив со своими советниками, с трудом и с досадой произнес такой приговор: «Тасций Киприан приговорен к казни мечом». Киприан епископ сказал: «Слава Богу». Толпа братьев стала говорить: «Пусть и нас обезглавят вместе с ним».

Епископа повели; его сопровождали военный конвой и огромная толпа людей: все карфагенские христиане пришли проводить своего епископа, пришло и много язычников. Когда пришли на место казни, святитель Киприан снял с себя верхнюю одежду и остался в одной рубашке из льняного полотна; он опустился на колени и стал молиться; затем распорядился дать палачу двадцать пять золотых и сам завязал себе глаза.

Тело мученика было наскоро уложено в могилу, заранее поблизости приготовленную, «чтобы не любопытствовали язычники». Ночью в торжественной процессии со свечами и факелами его перенесли на кладбище Макробия Кандидиана, что у Маппаликовой дороги возле прудов.

Святитель Киприан провел свою жизнь после обращения в служении на благо Церкви и ее чад. Его заслуги перед Карфагенской Церковью велики: он уберег ее от упадка и развала, сохранил единой и святой. Он воспитал достойных ее служителей; своим отношением к людям, в котором строгость умерялась горячей искренней любовью («У меня болят их раны», — писал он о павших (письмо 17, I, 1)). Он сохранил для Церкви многих и многих. Он бывал грозным, но умел и утешать и наставлять на верный путь. Его справедливость была справедливостью не по букве, а по духу, который всегда животворит. Он пользовался огромным авторитетом, и не в одной Африке, и никогде ни к чему не принуждал силой только этого авторитета. У него был ясный ум государственного человека, определяющего, каким путем надо идти, что сохранить в неприкосновенности, где и в чем можно и должно уступить. Его нельзя было запугать: непоколебимо мужественным оставался он и перед бурей, развязанной тройственным союзом его врагов.

отступников и исповедников, и в грозные дни чумы, и перед лицом смерти, когда мученической, святой кончиной завершил он свою святую жизнь.

* * *

Ниже вниманию читателей предлагается новый перевод некоторых писем священномученика Киприана.

Письмо 33-е

I

(В лучших рукописях это письмо адресовано «павшим»¹).

Господь наш, Чьи заповеди мы должны с трепетом соблюдать, определяя честь епископского сана и устроая Церковь, говорит в Евангелии, обращаясь к Петру: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16, 18—19). С тех пор епископы поставляются в преемственности непрерывной, и Церковь устроена так, что она стоит на епископах и вся жизнь ее управляется этими предстоятелями. 2. Так устроено по закону Господню, и я удивляюсь, что некоторые дерзко и безрассудно написали ко мне, обращаясь как бы от имени Церкви, тогда как Церковь стоит на епископах, клире и на всех устоявших в вере. Господь, милосердный и всевластный, да не допустит называться Церковью какое-то число «павших». Написано ведь «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22, 32). Мы желаем, конечно, чтобы все ожили; просим, чтобы по нашим слезным мольбам они вернулись в прежнее состояние. Если же они желают быть Церковью и если у них и в них есть Церковь, то что остается нам делать, как не просить их, чтобы они удостоили принять нас в свою Церковь? Уничтоженными, тихими и скромными подобает быть тем, кто, помня о своем преступлении, должны умилизовать Господа, а не составлять письма от имени Церкви, тем более зная, что они обращаются именно к Церкви².

II

1. Писали ко мне некоторые из «павших»: смиренные, кроткие, богобоязненные, всегда трудившиеся в церквах добросовестно и со славой и никогда не выставлявшие свою работу, как заслугу перед Господом, зная, что Он сказал: «Когда всё это исполните, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17, 10). Думая об этом, они, хотя и получили от мучеников «записки», обратились ко мне с просьбой: они сознают свое преступление, искренне каются, не торопятся получить «мир»³, без времени и не имея к тому основания, но будут ждать нашего прибытия, потому что, говорят они, самый «мир», полученный в нашем присутствии, будет для них слаще. Господь — свидетель, как я радовался на них: Он удостоил показать, чего, по благости Его, заслуживают такие и подобные им рабы. 2. Я получил это письмо, а сейчас читаю в вашем совсем другое. Выделите, прошу вас, каждый свои желания, и кто бы ни были вы, приславшие мне это письмо, подпишитесь под вашим заявлением и перешлите мне это заявление с именами каждого.

Надо сначала знать, кому отвечать. Тогда я отвечу на каждый запрос в соответствии с моим саном и линией поведения, которого придерживается мое смирение.

Желаю вам, братья, здравствовать и вести себя тихо и спокойно, в соответствии с правилами Господними.

Письмо 59-е

I

Киприан Корнилию.

Я прочел, дорогой брат, твое письмо, присланное с аколупом¹ Сатуром, братом нашим; оно дышит братской любовью, верностью церковной дисциплине и епископской строгостью. Ты сообщил, что Фелициссим², враг Христов, не новый, а давно уже отлученный за множество тяжчайших преступлений, осужденный по решению не только моему, но и многих собратьев-епископов, был отринут тобой в Риме. 2. Когда он пришел, окруженный шайкой пропащих людей, ты с тем властным правом, с каким и должен действовать епископ, выгнал его из Церкви, откуда он уже давно, вместе с ему подобными, изгнан силой Божией и строгим решением Христа, нашего Господа и Судьи. Виновик раскола и разлада, похититель вверенных ему денег, развратитель девиц, разрушитель и осквернитель множества семейных очагов не смеет больше осквернять своим гнусным и нечистым появлением Невесту Христову, чистую, святую, целомудренную.

II

1. Прочитав другое твое письмо, которое ты присоединил к первому, я, брат, очень удивился, поняв, что ты несколько встревожен их угрозами и запугиванием; они, как ты пишешь, приступили к тебе, неистово угрожая, что если ты не возьмешь писем, ими принесенных³, то они прочтут их публично; при этом они осыпали меня гнусной бранью, достойной их уст. 2. Если, дорогой брат, бояться дерзких негодяев, потому что плохие люди отчаянной наглостью добиваются того, чего по закону и по справедливости получить не могут, тогда конец и власти епископа, и его высокому, от Бога данному, праву управлять Церковью. Мы не сможем долго продержаться и быть христианами, если дошло до того, что мы трепещем угроз и козней пропащих людей. 3. Нам грозят и язычники, и евреи, и еретики — вообще все, чьи сердца и умы во власти диавола; о бешенстве, их отравившем, они ежедневно свидетельствуют своими неистовыми воплями. Уступать им, потому что они угрожают, отнюдь не следует; нельзя думать, что враг сильнее Христа, потому что он столько захватил и присвоил себе в миру. 4. Наша вера, дорогой брат, должна пребывать непошатнувшейся, а наше мужество, стойкое и непоколебимое, — противостоять, как мощная скала, всякому напору воющих волн. Не важно, откуда идет на епископа гроза и опасность: он живет под грозами и опасностями, и слава его от гроз и опасностей. Мы не должны думать об угрозах только язычников и евреев и обращать внимание на них одних: мы знаем, что Сам Господь Бог задержан был братьями, что Его предал тот, кого Он Сам избрал в число апостолов; что в начале мира праведного Авеля убил не кто иной, как брат; Иаков бежал, преследуемый братом-врагом; отрока Иосифа продали, и продавцами были братья. В Евангелии предсказано,

что домашние станут врагами и люди, связанные раньше узами единодушия, будут предавать друг друга. Не важно, кто предает и свирепствует. Если Господь разрешает быть преданным и увенчанным. Для нас нет позора терпеть от братьев то, что терпел Христос, и для них нет чести поступать так, как поступил Иуда. 5. Какая, однако, заносчивость, какое надутое и пустое хвастовство грозит там отсутствующему, когда я здесь в полном их распоряжении! 6. Их ругательства, которыми они ежедневно рвут в куски и самих себя и собственную жизнь, мы не боимся; от дубин, камней и мечей, которые они всегда упоминают в своих братоубийственных речах, не приходим в трепет. По своим качествам люди эти у Господа почитаются убийцами. Убить, однако, они не могут, если Господь не разрешит им убивать. Нам суждено умереть однажды, но они ежедневно умерщвляют себя своей ненавистью, своими словами и проступками.

III

1. Не следует, однако, дорогой брат, забывать церковную дисциплину, а епископу попустительствовать потому, что нам нет покоя от брани и запугивания. На помощь ведь приходит Писание: «Надменный и упрямый, завистливый человек ничего вообще не добьется, он — расширяющий душу свою, как ад» (Авв. 2, 5). И еще: «Не убойтесь слов мужа грешного, ибо слава его превратится в навоз и червей. Сегодня он превозносится, а завтра не найдут его, ибо он обратился в прах и замысел его погиб» (1 Макк. 2, 62—63). И еще: «Видел я нечестивца грозного, возносившегося выше кедров ливанских; я прошел — и вот нет его; ищу и не нахожу» (Пс. 36, 35—36). 2. Превозношение, спесь, дерзкое и горделивое хвастовство — не от Христовых заповедей: Он учил смирению, а от антихриста, которого Господь укоряет через пророка: «Ты говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих поставлю престол свой, буду сидеть на горе высокой, превыше гор высоких, на краю севера, взойду на облака, буду подобен Всевышнему» (Ис. 14, 13—14). И добавляет: «Ты спустишься в ад, в глубины преисподние. И кто увидит тебя, будет изумляться» (Ис. 14, 15—16). Равным наказанием таким людям грозит Священное Писание в другом месте: «Ибо грядет день Господа Саваофа на дерзкого и горделивого, на все превозносящееся и высокомерное» (Ис. 2, 12). 3. Каждого человека сразу же выдает его речь, из его слов открывается, кто живет в его сердце: Христос или антихрист. Поэтому Господь в Своем Евангелии и говорит: «Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мф. 12, 34—35). Поэтому у того грешного богача, который просит помощи у Лазаря, находящегося в лоне Авраамовом, в месте прохладном, — сам он мучится и горит в жарком пламени, — особенно страдает рот и язык: больше всего нагрешил он языком своим.

IV

1. Написано: «Злоречивые Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 10), и опять же Господь в Евангелии Своем говорит: «Кто скажет брату своему: «глупец», подлежит геенне огненной» (Мф. 5, 22). Как же уйти от Господа, отмещающего тем, кто поносит не только братьев, но и епископов, которых Господь удостоил такой чести, что человек, не повиновавшийся священнику и судьбе, бывшим в те дни, немедленно подлежит смерти!

Во Второзаконии говорит Господь Бог: «А кто поступит так дерзко, что не послушает священника или судьи, который будет в те дни, да умрет человек этот, и весь народ услышит и убойтся, и не будут впредь поступать дерзко» (Втор. 17, 12—13). 2. И когда евреи стали презрительно относиться к Самуилу, Господь сказал: «Не тебя они презрели, но Меня презрели» (1 Цар. 8, 7). И Господь говорит в Евангелии: «Слушающий вас Меня слушает и Того, Кто Меня послал; отвергающий вас Меня отвергает и Того, Кто Меня послал» (Лк. 10, 16). Очистив прокаженного, Он сказал: «Пойди, покажись священнику» (Мф. 8, 4). И потом во время Страстей Своих, когда раб первосвященника ударил Его по лицу и сказал: «Так ты отвечаешь первосвященнику?», Господь не сказал ничего оскорбительного первосвященнику, ничем не умалил чести священства, а только ответил, настаивая на Своей невинности: «Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин. 18, 22—23). 3. А позднее в «Деяниях апостолов», когда блаженному апостолу Павлу сказали: «Так поносишь первосвященника Божия?», то он сказал: «Я не знал, братья, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь» (Деян. 23, 4—5). А ведь священники, распявшие Господа, эти безбожники, нечестивцы, облитые кровью, ничего не удержали от священнической чести и авторитета, и тем не менее Павел принял в расчет имя, пусть уже лишенное содержания, и сан первосвященника, хотя от него осталась лишь тень.

V

1. Вот сколько примеров из прошлого, подтверждающих, что Господь удостоил епископов авторитета и власти. Каковы же, по-твоему, эти люди, враждующие с епископами, восстающие на Православную Церковь, не уstraшенные ни грозным предупреждением от Господа, ни отпущением на будущем Суде? Почему возникают ереси и рождаются расколы? Потому что не повинуются епископу Божию и не понимают, что в Церкви может быть одновременно только один епископ и один судья, занимающий на свой срок место Христа. И если ему, следуя наставлениям Божиим, повинуется вся община братьев, то никто и не пошевелится против епископата; никто после указания Господня, после народного одобрения, после согласия всех епископов и не подумает сделаться судьей не епископов уже, а Самого Бога; никто не станет раздирать на части единую Церковь Христову; никто в своем самодовольстве и гордыне не уйдет из нее и не подумает основывать свою новую ересь, разве человек такой святотатственной дерзости, такого умственного помрачения, что решит, будто епископом становятся без указания свыше. 2. Господь говорит в Евангелии Своем: «Не две ли малые птицы продаются за асс? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца» (Мф. 10, 29). Если, по словам Господа, мельчайшие случаи бывают только по воле Божией, то можно ли думать, что величайшее, важнейшее событие в Церкви Божией происходит без воли и без ведома Божия: епископы, т. е. Его управляющие, будут поставлены помимо Его решения? 3. Так думать — значит не иметь веры, которой мы живем; так думать — значит не чтить Бога, Который — мы это знаем и в это верим — всем руководит и всем управляет. Есть, конечно, епископы, поставленные и не по воле Божией, — это те, кто стали ими, пребывая вне Церкви; это те, кто стали ими вопреки порядку и учению Евангельскому, как говорит Господь: «Поставляли царей сами, без Меня» (Ос. 8.

4) и еще: «Жертвы их, как хлеб скорби: все, кто едят их, оскверняются» (Ос. 9, 4). И устами Исаии восклицает Дух Святой: «Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые устраивают совещания, но без Меня, заключают союзы, но не по Духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху» (Ис. 30, 1).

VI

1. А затем — я вынужден это сказать — я говорю со скорбью, говорю по принуждению: когда епископ⁴ поставлен на место скончавшегося, когда он в дни мира выбран голосами всего народа, когда в гонение Господь покрывает его Своей помощью, и он, верный союзник всем собратьям, снискавший за четыре года епископства одобрение своего народа, в мирное время — страж церковной дисциплины, в бурное — осужденный с добавочной пометкой «епископ»; сколько раз требуемый «в цирк, ко львам», удостоенный в амфитеатре явленной ему милости Божией и опять в эти самые дни, когда я писал тебе это письмо, требуемый воплями толпы «в цирк, ко льву», ибо вывешен эдикт, приказывающий всему народу совершать жертвоприношения, — когда на такого епископа, дорогой брат, нападают люди отчаявшиеся, потерянные и находящиеся вне Церкви, то совершенно ясно, кто нападает: конечно, не Христос, ставящий и защищающий епископов, а он, противник Христа и враг Его Церкви, который, неистовый в своей свирепости, затем преследует ее представителя, чтобы, убрав кормчего, скорее пустить Церковь ко дну.

VII

1. Ни один христианин, помнящий Евангелие и апостольские предостережения, не должен смущаться, дорогой брат, если в последние времена гордецы и упрямцы, враги епископов Божиих, уходят из Церкви или действуют против нее: и Господь и апостолы Его предсказывали, что такие люди теперь будут. 2. Никто не должен удивляться, что раб, поставленный во главе, будет некоторыми покинут: Самого Господа, творившего великие чудеса, засвидетельствовавшего делами Своими могущество Отчее, ученики покинули. И, однако, Он не упрекнул отходящих и не пригрозил им страшной угрозой, а только, обратившись к Своим апостолам, спросил: «Не хотите ли и вы отойти?» Он соблюдал закон, предоставляющий человека его воле; по собственному выбору он стремится или к смерти, или к спасению. 3. Петр — камень, на котором Самим Господом воздвигнута была Церковь, — отозвался за всех и ответил голосом Церкви: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго» (Ин. 6, 68—69). Эти слова его означают, что те, кто отошел от Христа, гибнут по своей вине, Церковь же, верующая во Христа, твердая в своем знании, никогда вообще от Него не отходит; что Церковь Его — это те, кто пребывает в дому Господнем, и что не Богом Отцом посеян посев, взошедший не стеной неподвижной пшеницы, но стеблями, качающимися из стороны в сторону, словно мякина, разлетающаяся от дыхания врага. О таких людях Иоанн говорит в своем Послании: «Они вышли от нас, но не были наши; если бы они были наши, то остались бы с нами» (1 Ин. 2, 19). 4. И Павел уговаривает нас не смущаться, когда плохие люди уходят из Церкви, и не ослабевать в вере, если вероломные ушли: «Если некоторые и неверны

были. неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3, 3—4).

VIII

1. Что касается нас, то мы, брат, по требованию совести, должны стараться, чтобы никто по вине нашей не ушел из Церкви. Если же кто погибнет по своей воле и по своей вине и не пожелает раскаяться и вернуться в Церковь, то в день судный на нас, заботившихся о его здоровье, вины не окажется; наказанными пребудут они одни, не пожелавшие излечиться по нашему спасительному совету. 2. Нас не должна смущать ругань потерянных людей; мы не собьемся с прямой дороги и не отойдем от определенной нормы поведения. И апостол ведь говорит: «Если бы я угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (Гал. 1, 10). Важно, кому человек хочет угодить: людям или Богу. Делая приятное людям, оскорбляют Бога. Если же мы прилагаем все усилия именно к тому, чтобы угодить Богу, то должны презирать человеческую ругань и злословие.

IX

1. Что я не сразу написал тебе о Фортунате, этом лжеепископе, поставленном несколькими закоренелыми еретиками, то ведь это не такое дело, о котором следовало бы спешно уведомить тебя, как о чем-то важном и внушающем опасения, тем более, что ты уже достаточно знаешь Фортуната⁵. Это один из пяти священников, давно уже сбежавших из Церкви; по решению многих наших соборiat-епископов, людей весьма авторитетных, они были недавно отлучены — об этом они тебе в прошлом году писали⁶. В Фелициссime ты сам признал знаменосца восставших; о нем тоже говорится в том же епископском письме, раньше к тебе написанном. Он не только отлучен ими здесь, но и тобой недавно изгнан в Риме из Церкви. 2. Так как я полагал, что это тебе известно, и был уверен, что ты, по своей верности церковной дисциплине, крепко держишь это в памяти, то не счел необходимым быстро и настойчиво сообщать тебе о всех безумствах еретиков. Православной Церкви с ее величием и достоинством не пристало интересоваться тем, что вытворяют у себя держащие на все еретики и раскольники. Партия Новатиана, говоря, поставила себе здесь лжеепископа — священника Максима, недавно бывшего у меня послом от Новатиана и не принятого мною в общение. 3. Я не писал тебе об этом раньше, считая все это пустяками, а совсем недавно послал тебе список здешних епископов⁷, право правящих в Православной Церкви братьями. С общего совета решено было это сделать, чтобы дать возможность быстро разглядеть истину и не впасть в ошибку: и ты, и собратия наши должны знать, с кем следует вам переписываться. Если вам осмелится написать кто-то, кто не включен в этот наш список, знайте, что он запятан или жертвоприношением, или «свидетельством», либо же это еретик, т. е. безбожник и перевертень. 4. Когда подвернулся хорошо знакомый человек и клирик — аколуп Фелициан (ты отправил его вместе с Персеем, собратом нашим), я в письме, среди прочих наших здешних дел, о которых следовало довести до вашего сведения, писал и о Фелициссime. Пока, однако, брат наш Фелициан медлил с отъездом, — то мешала погода, то мы задерживали его, желая вручить еще и другие письма, — Фелициссим, который к вам торопится, опередил его. Злоден всегда торопится, словно могут торопливостью одолеть невинность.

X

1. Через Фелициана же я дал тебе знать, брат, что в Карфаген прибыл из Ламбеза Приват⁸ — давний еретик, осужденный много лет назад за множество тяжких преступлений решением девяноста епископов; предшественники наши — Фабиан и Донат — строго порицали его в письмах, что известно и тебе. Он заявил, что желает разбора своего дела у нас на Соборе, бывшем в середине прошлого мая⁹, но допущен не был. Он сделал этого Фортуната лжеепископом, он достоин и его сотоварищей. 2. Прибыл также с ним и некий Феликс, которого он, сам еретик, находившийся вне Церкви, некогда поставил лжеепископом. Явились вместе с еретиком Приватом и его спутники — Иовин и Максим: они были осуждены решением наших девяти собратий за их преступления и гнусное жертвоприношение: это было доказано. На Соборе прошлого года они повторно были отлучены большим числом епископов. 3. К этим четырем присоединился и Репост из Сутунурка¹⁰, который не только сам пал во время гонения, но и погубил очень много народа своими кощунственными советами. Эти пятеро с небольшим числом или принесших жертву, или таких, которые что-то за собой знали, приняли лежеепископом Фортуната, чтобы объединиться в преступлениях; правитель был таким же, как и управляемые.

XI

1. По этому, дорогой брат, ты можешь судить и об остальной лжи, которую там распустили отчаявшиеся и потерянные люди. Никто из принесших жертву или из еретиков в Карфаген не приходил, кроме этих пяти лжеепископов, которые и приобщили Фортуната к своей безумной затее. Эти дети диавола, исполненные лжи, осмеливаются, как ты пишешь, болтать, что епископов присутствовало двадцать пять человек. Эту ложь они раньше распускали и здесь среди наших братьев, говоря, что из Нумидии прибудет двадцать пять епископов для поставления епископа. 2. Когда они были изблечены в той лжи — их собралось только пятеро, потерпевших кораблекрушение и отлученных нами, — они отплыли в Рим с грузом своей лжи, как будто истина не сможет отплыть вслед за ними и точными фактами опровергнуть их лживые речи. Это вот настоящее безумие, брат: не думать о том, не знать того, что обман живет недолго, что ночь длится только до рассвета, что с наступлением ясного солнечного дня мрак и туман исчезают и ночной разбой прекращается. 3. Если ты спросишь у них имена этих епископов, то они не смогут даже придумать, кого бы назвать. У них такая бедность даже в негодях, что они не могли подобрать себе двадцати пяти человек ни из принесших жертву, ни из еретиков. Они лгут и раздувают это число, чтобы обмануть простецов и людей, живущих далеко от наших мест, как будто, если бы число это и было настоящим, еретики могли бы победить Церковь, а неправедные — праведность.

XII

1. Мне не следует, дорогой брат, равняться по ним и перебирать всё, что они до сих пор натворили и что продолжают вытворять и поныне. Нам надо подумать о том, о чем Божиим епископам следует говорить и писать, причем слова наши должны быть продиктованы не столько досадой, сколько нравственным долгом. Да не покажется, что я в раздраже-

нии скорее осыпаю их бранью, чем подвожу итог их преступлениям и грехам. 2. Поэтому я умолчу о том, как они обманывали Церковь; не буду говорить об их сговорах, распутстве и разнообразных провинностях, об одном только, думаю, нельзя умолчать — об их преступлении, не передо мною, не перед людьми, но перед Богом: сразу же, с первого дня гонения, когда свежи еще были преступления согрешивших и не только от диавольских алтарей — от рук, изо рта «павших» шел еще пар от гнусных жертв, они не переставали общаться с «павшими» и мешали им сотворить покаяние. Господь возгласает: «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен» (Исх. 22, 20). И Господь в Евангелии говорит: «Кто отречется от Меня, отрекусь от того и Я» (Мф. 10, 33). А в другом месте Господь не скрывает Своего негодования и говорит: «Им ты делаешь возлияния и приносишь жертвы. Могу ли Я быть доволен этим?» (Ис. 57, 6). Они мешают им просить Господа, Который Сам свидетельствует о Своем негодовании! Они мешают умолять и умиловать Христа, Который Сам объявил, что Он отречется от отрекшегося.

XIII

1. В самое время гонения мы посылали об этом письма, но услышаны не были. На многолюдном Соборе¹¹ вы постановили не только с общего согласия, но и пригрозив, что братья должны покаяться и никто не смеет дерзостно давать «мир» непокаявшимся. И они, перед Богом виновные в кощунстве, перед епископами Божиими в дерзком самочинии, ушедшие из Церкви и на Церковь поднявшие матереубийственное оружие, стараются с диавольской злобой довершить свое дело и помешать Божественному милосердию излечить раненых в Церкви. 2. Они отнимают своей ложью покаяние несчастных: пусть не умиловывают негодующего Бога; пусть человек, постеснявшийся или побоявшийся быть христианином, не ищет потом Христа, Господа Своего; пусть не возвращается в Церковь. Приложены усилия к тому, чтобы грехи не были искуплены праведными рыданиями, раны не были омыты слезами. Настоящий «мир» отнят лживым обещанием мнимого «мира»; спасительное лоно матери закрывает вмешавшаяся мачеха: да не будут услышаны стоны и плач «падших», изливаемые устами и сердцем. 3. И вдобавок «падших» подстрекают, чтобы они, уже согрешив устами и языком на Капитолии¹², еще поносили епископов, исповедников, дев, праведников — всех, кто выделился своей верой и прославлен в Церкви, они преследуют оскорблениями и злословием. Они, правда, не очень задевают наших людей, скромных, смиренных и уважаемых, скорее они рвут на куски свои надежды и свою жизнь. Жалок не тот, кто слушает ругательства, а тот, кто их произносит; не тот, кто терпит побои от брата, а тот, кто грешник перед законом, колотит брата. Когда виновные обижают невинных, обиженные те, кто думают, что наносят обиду. 4. Поэтому и расстроен их ум, отсюда их душевная тупость и потеря разума; не понимать своих грехов и не нуждаться в покаянии — это знак гнева Божия, ибо написано: «И навел на них Господь дух усыпления» (Ис. 29, 10), дабы не обратились, не позаботились о себе, не излечились от грехов своих необходимыми молитвами и умилованиями. Апостол Павел пишет в своем Послании: «Они не приняли любви истины для своего спасения. И за это пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Фес. 2, 10—12). Высшая ступень сча-

ствя — не грешить; следующая за ней — сознавать свои грехи. Там — полное спасительное отсутствие греха, здесь — целительное лекарство. Они, оскорбив Бога, потеряли и одно и другое: утрачена благодать, получаемая в святом Крещении, и отвергнуто покаяние, излечивающее вину. Малое, по-твоему, брат, преступление перед Богом, легкий и незначительный грех: по их вине не молят Бога, мощного и негодующего, не боятся дня судного с его огнем и гневом; накануне антихристового прихода выбито оружие веры у сражающегося народа, уничтожен страх перед Христом и Его силой? 5. Пусть миряне сами подумают, как им с этим справиться; на епископов ложится труд большой: настоятельно говорить о Боге и Его могуществе, да не явимся в этой части небрежными, ибо говорит Господь и наставляет: «Итак, для вас, священники, эта заповедь; если вы не послушаетесь и если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему, то Я пошлю на вас проклятие и прокляну ваши благословения» (Мал. 2, 1—2). Богу, значит, воздается слава, если Его могущество и власть до такой степени презирают? Когда Он говорит, что негодует и гневается на приносящих жертву и грозит им вечным наказанием и непрекращающимися муками, эти кощунники предлагают не думать о гневе Божиим, не бояться суда Господня, не стучаться в Церковь Христову; отброшено покаяние, никакого признания в совершённом преступлении, епископов презрительно попирают, и священники словами лживыми дают «мир»: пусть «павшие» не встают, оказавшиеся вне Церкви не возвращаются обратно, общение предлагается теми, кому отказано в общении.

XIV

1. Им недостаточно было отступить от Евангелия, отнять у «павших» покаяние и надежду на то, что они умиловывают Бога; мало было отобрать у опутанных ложью, запятнанных распутством или оскверненных гнусными жертвами плоды покаяния и понимание того, что оно значит! Нечего просить Бога, нечего признаваться Церкви в своих преступлениях! Мало им быть вне Церкви и против Церкви устроить сходку своей гиблой партии, куда устремилась шайка людей с нечистой совестью, не желающих просить Бога и умиловывать Его. Вдобавок, когда еретиками был себе поставлен лжеепископ, они осмеливаются отплыть в Рим и предъявлять письма от раскольников и невежд кафедре Петра и главной Церкви, положившей начало единству епископской власти, не думая о том, что перед ними те римляне, чью веру хвалил апостол, кто не впустит к себе измены. 2. Зачем, однако, они явились с заявлением, что против епископов они могут выставить своего лжеепископа? Или они довольны тем, что сделали, и упорствуют в своем преступлении? Если они недовольны и делают обратный ход, они знают, куда вернуться. Всеми нами было постановлено (это и благожелательно и справедливо), чтобы дело каждого слушалось там, где совершено преступление; каждому пастырю вручена часть стада, которой он и управляет; отчет в своих действиях он даст Богу. Полагается, чтобы те, во главе кого мы стоим, не бегали туда-сюда, не нарушали согласия между епископами своим лукавством и дерзостью, а вели свое дело там, где находятся и обвинители и свидетели их преступлений. Небольшой кучке отчаянных и потерянных людей показались, может быть, недостаточно авторитетными африканские епископы, которые их уже судили и, видя, что они увязли в преступлениях, произнесли недавно свой внушительный приговор. Дело их разобрано, решение вынесе-

но; нельзя, чтобы епископский суд упрекали в легкомыслии и непостоянстве: Господь ведь поучает нас, говоря: «Да будет слово ваше: да, да; нет, нет» (Мф. 5, 37).

XV

1. Если сосчитать число тех, кто судил их в прошлом году, включая священников и диаконов, то окажется, что на суде и следствии присутствовало людей больше, чем нынче связано с Фортунатом. Ты должен знать, дорогой брат, что после того, как еретики поставили его лжеепископом, его почти все покинули. Те, от кого в прошлом заслоняли истину пустословием, лживо уверяя, будто все одновременно вернутся в Церковь, поняли, когда им поставили лжеепископа, что их обошли и обманули; они ежедневно приходят обратно и стучатся в Церковь, но мы, которым придется давать отчет Господу, должны в тревоге и заботе проверять и взвешивать, кого следует принять в Церковь. 2. Для некоторых препятствием являются их преступления; иногда решительное сопротивление братьев — оказывается, что этих людей вообще нельзя принять, не вводя в опасный соблазн очень многих. Незачем собирать всякую гниль, которая испортит крепкое и здоровое; никуда не годится неразумный пастух, пускающий больных и зараженных овец в свое стадо; оно все может заразиться прилипчивой хворью. 3. О дорогой брат, если бы ты мог быть здесь вместе с нами, когда эти, сбитые с толку, переметнувшиеся люди возвращались из раскола! Ты увидел бы, какого труда мне стоит убедить братьев наших, чтобы они были терпеливы, утишили душевную скорбь и согласились принять виноватых и позаботиться об их излечении. Они радуются и ликуют, когда приходят обратно люди приемлемые и не так виноватые, но ворчат и протестуют всякий раз, когда неисправимые наглецы, люди, запятнанные распутством или принесением жертвы, вдобавок не утратившие своей гордости, возвращаются в Церковь, чтобы, как они думают, находясь в ней, развращать честные души. С трудом убеждаю я народ, вернее, вымогаю у него согласие принять таких людей. 4. И досада братьев оправдана тем фактом, что по моему попустительству (народ упирался и возражал) были приняты люди, которые стали теперь еще хуже, чем были раньше: они не смогли как следует покаяться, потому что пришли без искреннего покаянного чувства.

XVI

1. Что же сказать мне о тех, которые явились к тебе с Фелициссимом, повинным во всех преступлениях, в качестве послов от лжеепископа Фортуната с письмами такими же лживыми, как лжив и тот, чьи письма они принесли? Сколько разных преступлений на их совести! Какая отвратительная, мерзкая жизнь! Если бы такие люди были в Церкви, их следовало бы из Церкви гнать. 2. Они сознают, что они наделали, и не осмеливаются подступить к церковному порогу, а скитаются по провинции с расчетом обойти и ограбить братьев. Достаточно всем известные и отовсюду за свои дела изгоняемые, они отплывают к вам. У них не хватает бесстыдства подступить к нам или осесть в наших местах, потому что братья бросят им обвинение в страшных и тяжких преступлениях. 3. Если они желают предстать перед нашим судом, пусть приходят. Если они могут чем-то извинить и защитить себя, то мы посмотрим, какой плод покаяния они принесут и понимают ли они, как им надо умолять Бога. Церковь здесь

ни перед кем не заперта, и епископ никому не отказывает. Мы доступны всем приходящим, ко всем терпеливы и человечны. Я желаю, чтобы все вернулись в Церковь, желаю, чтобы все наши соратники собрались в Христовом лагере и в обители Отчей. Я всё отпускаю, я многое покрываю из ревностного желания собрать воедино братьев. Даже преступления перед Богом я разбираю не по строгим требованиям религии. Я, пожалуй, сам грешу, отпуская грехи легче, чем следует. Я быстро, со всей любовью открываю объятия возвращающимся с покаянием, сознающимся смиренно и просто в своем грехе.

XVII

1. Если есть люди, которые думают, что они могут вернуться в Церковь не просьбами, а угрозами, рассчитывают открыть ее двери не рыданиями, а запугиванием, то пусть они твердо знают, что перед такими Церковь Господня стоит запертой и что лагерь Христов, непобедимый, крепкий, охраняемый Господом, не боится угроз. Епископа, придерживающегося Евангелия, соблюдающего заповеди Христовы, можно убить, победить нельзя. Пример мужества и веры подан нам первосвященником Захарией; его не запугали угрозами побоев камнями; убиваемый в храме Божием, он с криком повторял одно и то же — это же самое мы кричим еретикам: «Вы оставили пути Господни, и Господь оставит вас» (2 Пар. 24, 20). 2. Оттого, что кучка дерзких и бессовестных людей оставила спасительные пути Господни; оттого, что поведение их не свято и Дух Святой покинул их, и мы должны забыть учение Господне? Сочтем, что епископскому суду не под силу справиться с гнусной деятельностью этих безумцев, решим, что человеческое нападение сильнее Божией защиты и покрова?

XVIII

1. Не потому ли, дорогой брат, Православная Церковь должна отказаться от своего достоинства; народ, оставшийся в Церкви, верный и неисторченный, — от своего великого имени; епископ — от своего авторитета и власти, что предстоятеля Церкви желают судить еретики, находящиеся вне Церкви, здорового — больные, владеющего всеми членами — калеки, стоящего на ногах — упавшие, судью — преступники, священника — святотатцы? Остается только, чтобы Церковь уступила Капитолию, священники забрали алтарь Господень и удалились; статуи идолов и алтари их заняли священное место, где собирался наш клир. Новатиану будет предоставлен богатый материал для нападков и декламаций против нас, если принесших жертву и публично отрекшихся от Христа не только приглашают в Церковь и принимают без покаяния — мало этого: они начинают страхом подчинять нас и нами распоряжаются. 2. Если они просят «мира», пусть сложат оружие. Если хотят удовлетворить нас, зачем грозят? А если грозятся, пусть знают, что священство Господне их не боится. И пришедший антихрист в Церковь не войдет, несмотря на свои угрозы; перед его насилием и оружием не склонятся, хотя он и объявит, что погубит тех, кто ему противится. Еретики вооружают нас, думая испугать своими угрозами; они не повергают нас на землю; нет, заставляют нас выпрямиться и воодушевляют нас, делая для братьев самый «мир» горше гонения. 3. И мы желаем, конечно, чтобы свои бешеные слова они не превратили в преступления; греша на словах, бесчестных и жестоких, не провинились бы на деле. Мы просим и умоляем Бога, Которого они не пере-

стают раздражать, чтобы сердца их смягчились, чтобы исчезла их ярость, и они вошли бы в разум, чтобы сердца их, затянутые мраком греха, увидели свет покаяния; чтобы они стали скорее просить предстоятеля Церкви пролить за них молитвы и прошения Господу, а не проливать самим кровь епископскую. Если они пребудут в своем неистовстве, не прекратят по своей жестокости своих козней и безбожных угроз, то не найдется ни одного епископа Божия, столь слабого, столь приниженного и забитого, столь по человеческой немошности бессильного, что он не восстанет против врагов Божиих, ибо в него, смиренного и слабого, Господь — защита его — вдохнет Свою силу и крепость. Нам совершенно безразлично, от чьей руки и когда мы умрем; награду за пролитую кровь мы получим от Господа. Плакать и рыдать следует над положением тех, кого дьявол ослепил до такой степени, что они не думают о вечных мучениях в геенне и стараются дать представление о том, что будет, когда придет уже приближающийся антихрист.

XIX

Хотя я знаю, дорогой брат, что в силу взаимной любви, которую мы должны оказывать и оказываем друг другу, ты всегда читаешь наши письма твоему процветающему клиру, который заседает с тобой, и многочисленному христианскому народу, сейчас, однако, я и прошу и советую, чтобы ты сделал, по моей просьбе, то, что раньше делал по твоему желанию и из уважения ко мне: если и к вам вкралась зараза от их ядовитых речей, если залетело зерно этого смертоносного сева, то письмо извлечет всю ложь из сердец и ушей братьев и восстановится между добрыми людьми в полноте своей искренней приязнь, очищенная от грязной еретической клеветы.

XX

1. Кроме того, пусть братья наши решительно уклоняются и избегают бесед с теми, чье «слово, как рак, распространяется» (2 Тим. 2, 17). Апостол ведь говорит: «Худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15, 33), и еще: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит. 3, 10—11). Устами Соломона говорит Дух Святой: «Человек лукавый замышляет зло, и на устах его как бы огонь палящий» (Притч. 16, 27). И опять же советует: «Огради уши твои тернием и не слушай языка злого». И еще «Злодей внимает языкам беззаконным; праведный не обращает внимания на уста лживые» (Притч. 17, 4). 2. Хотя я знаю, что братья наши в Риме, охраняемые вашей предусмотрительностью, и сами, достаточно осторожные и бдительные, не поймаются на удочку еретиков и не поддадутся обману — так крепко запомнили они наставления и заповеди Божии и так велик у них страх Божий, но все же избыток тревоги или любви заставляет меня писать это: не завязывайте с такими людьми никаких сношений, не ешьте вместе с плохими людьми, не разговаривайте с ними; отделимся от них так, как они бежали из Церкви: написано ведь: «Если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь» (Мф. 18, 17). Блаженный Апостол не только советует, но приказывает удаляться от таких: «Завещаем же вам, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое принято от нас» (2 Фес. 3, 6). Союза

между верой и неверием не может быть. Кто не со Христом, тот противник Христу; кто враг единству и миру Его, тот не может быть с нами. Если они придут с молитвами, с желанием умилоствовать, да будут выслушаны. Если будут осыпать бранью и угрозами, да будут отвергнуты.

Будь здоров, дорогой брат.

Письмо 66-е

*Киприан, прозванием Тасций,— Флорентию,
прозванием Пуппиану¹.*

Я, брат, думал, что ты уже покался в своем легкомысленном доверии, с которым в прошлом слушал, как на меня возводили обвинения в поступках ужасных, гнусных, отвратительных даже язычникам. Но я вижу по твоему письму, что ты каким был, таким и остался, веришь тем же наветам на меня, в своей уверенности тверд и, чтобы случайно не запятнать общением со мной своей славой мученика, тщательно роешься в моей жизни и хочешь, после Бога, судящего и ставящего епископов, судить, не меня — что я такое? — но суд Божий и Христов. 2. Это значит — не верить в Бога; это значит — восставать на Христа и Его Евангелие. Сказано ведь: «Не две ли малые птицы продаются за асс? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца» (Мф. 10, 29). Он, великий и праведный, указывает, что без ведома и разрешения Божия не совершается даже мелких событий, а ты полагаешь, что Его епископ поставлен в Церкви без Его ведома. Думать, что на это место поставлены люди недостойные и развратные, — значит утверждать, что епископы в Церкви назначаются не Богом и не по Божией воле.

II

1. Думаешь ли ты, что мое свидетельство о себе больше Божиего свидетельства? Господь Сам учит и говорит, что если человек сам свидетельствует о себе, то свидетельство его неверно, потому что каждый себе благоприятствует и не станет ссылаться на то, что ему во вред. Похвальный отзыв о нас неподдельно правдив, если нас хвалит и о нас свидетельствует кто-то другой. «Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий обо Мне» (Ин. 5, 31—32). 2. Сам Господь, грядущий судить всех, не пожелал, чтобы Ему верили на основании Его собственного свидетельства, а предпочел признание и свидетельство Отчее. Тем более должны соблюдать это правило рабы Его, чье не только признание, но и слава зависят от Божиего суда и свидетельства. А для тебя злостные выдумки врагов имеют силы больше, чем Божие решение. чем мое поведение, продиктованное совестью и верой...

III

1. Ты сказал, что епископ должен быть смиренен, потому что и Господь, и апостолы Его были смиренны. Что я смиренен, это прекрасно знают и за это любят меня и все братья и язычники; и ты это знал и любил меня, пока находился еще в Церкви и общался со мной. Кому же из нас не хватает смирения? Мне ли, который ежедневно на службе брать-

ев и каждого приходящего в Церковь принимает с молитвой, лаской и радостью; или тебе, который себя, епископа, ставишь над епископом и судишь судью до времени, данного Богом. Господь Бог говорит во «Второзаконии»: «А кто поступит так дерзко, что не послушает священника или судьи, который будет в те дни, тот должен умереть — и весь народ услышит, и убоится, и не будет впредь поступать дерзко» (Втор. 17, 12—13). И, обращаясь к Самуилу, говорит: «Не тебя они презрели, но Меня» (1 Цар. 8, 7). А когда Господу было сказано: «Так ли отвечаешь первосвященнику?», то Он, уважая честь священства и уча уважать ее, ничего не сказал против первосвященника, а только, обеляя Себя, как невинного, ответил: «Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин. 18, 22—23). 3. И блаженный апостол, когда ему сказали: «Первосвященника Божия поносишь?», ничего оскорбительного не сказал священнику, хотя имел право неизменно обрушиваться на тех, кто распял Господа и погубил и храм, и священников. И хотя у мнимых, лишённых своего достоинства, священников ничего, кроме пустого имени, не оставалось, он думал только о самом имени и сказал: «Я не знал, братья, что он первосвященник. Написано ведь: начальствующего в народе твоём не злословь» (Деян. 23, 5).

IV

1. Или я был для тебя епископом до гонения, когда ты находился в общении со мной, а после гонения епископом быть перестал? Начавшееся гонение вознесло тебя на высоты мученичества, а меня пригнуло тяжестью изгнания; публично было вывешено: «Если кто имеет у себя что-либо из имущества Цецилия Киприана, епископа христиан...»². Не верящий в Бога, епископа поставляющего, мог уверовать в диявола, епископа изгоняющего. 2. Я не хвастаю этим, а говорю об этом со скорбью, так как ты ставишь себя судьёй Бога и Христа, Который сказал апостолам, а тем самым и всем епископам, которые наследуют апостолам, как их заместители: «Слушающий вас Меня слушает, а кто Меня слушает, слушает Того, Кто Меня послал. Отвергающий вас Меня отвергает и Того, Кто послал Меня» (Лк. 10, 16).

V

1. Отсюда рождались и рождаются расколы и ереси: епископа, единственного главу Церкви, начинают в горделивом самомнении презирать, и человека, удостоенного чести от Бога, люди объявляют недостойным. Какая надменность, какая гордость, какая спесь — вызывать к себе на суд епископов и священников! И если мы не очистимся перед тобой и не будем, по твоему решению, оправданы, то оказывается, что вот уже шесть лет, как у братьев нет епископа, у народа — начальника, у стада — пастыря, у Церкви — кормчего, у Христа — предстоятеля, у Бога — священника. 2. На помощь, Пуппиан! Вынеси постановление и утверди суд Божий и Христов, чтобы не думали, что число верных, собранных под нашей властью, уходит из этой жизни, отчаявшись в спасении и «мире»; чтобы на толпу новых уверовавших не смотрели, как на людей, не могших через нас получить в Крещении благодати; чтобы «мир», данный стольким покаившимся «падшим», и возвращение их в Церковь, дозволенное после рассмотрения нами их дел, не были отменены твоим властным судом. Кивни, удостой высказать свое суждение о нас и утвердить наше епископство

силой твоего расследования, чтобы Бог и Христос могли поблагодарить тебя, так как твоими стараниями восстановлен одновременно и служитель их алтаря и правитель народа.

VI

У пчел есть царь³, у стада — предводитель, и животные верны ему; разбойники повинуются своему атаману и смиренно ему служат. Насколько честнее и лучше нас неразумный скот, бессловесные животные, даже грабители, проливающие кровь, неистово сражающиеся с оружием в руках. Там признают и боятся начальника, которого поставило не Божие решение, но выбрала шайка пропащих злодеев.

VII

1. Ты сказал, что тебе надо убрать из своей души сомнение, о которое ты споткнулся. Ты споткнулся, но по бессовестному легковерию; ты споткнулся, но по своей кощунственной мысли и охоте. Грязные, нечестивые, страшные обвинения против брата, против епископа ты спокойно слушаешь, охотно им веришь; чужую ложь ты защищаешь, как будто это твое собственное личное мнение. Ты забыл, что написано: «огради уши твои терновником и не слушай язык негодный» и еще: «злой человек слушает речи нечестивые; праведник не обращает внимания на речи лживые» (Притч. 14, 25). 2. Потому об это сомнение и не споткнулись мученики, исполненные Духа Святого, за страдания свои уже стоявшие на пороге встречи с Богом и Его Христом; из тюрьмы они написали письмо «Киприану епископу», признавая в нем священника Божия и о том свидетельствуя. Почему об это сомнение не споткнулось столько монахов, братьев-епископов, которые или скрылись и были объявлены вне закона, или были схвачены и сидели в оковах по тюрьмам, или, отправленные в ссылку, пошли славным путем к Господу, или, как это кое-где случилось, были казнены и, прославленные Господом, получили небесные венцы? Почему из нашей здешней паствы, порученной мне по милости Божией, об это сомнение не споткнулось столько исповедников, попавших в тюрьму, подвергнутых пытке, славных своими шрамами — памятью честных ран, столько чистых дев, столько почтенных вдов, наконец, Церкви всего мира, тесно связанные с нами узами единения? 3. Если все причащающиеся со мной, согласно твоему письму, осквернены моей скверной и утратили надежду на вечную жизнь от губительного общения со мной, — то, видимо, один только Пуппиан, чистый, незапятнанный, святой, целомудренный, не пожелавший встречаться с нами, один только и будет обитать в раю и в Царствии Небесном!

VIII

1. Ты пишешь, что по моей вине часть Церкви оказалась в рассеянии, но ведь весь церковный народ собран вместе и един в своем нерушимом единодушии; вне Церкви остались те, кого следовало, находишь они в ней, выбросить вон; Господь, Помощник и Покровитель Своего народа, не может допустить, чтобы пшеницу расхищали с Его тока; от Церкви может отделиться только мякина, как и говорит Апостол: 2. «Что же? если некоторые и были неверны, неверность уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3, 3—4). И Господь, когда ученики оставили Его, обернувшись к двенадцати, сказал: «Не хотите ли

и вы отойти?», и Петр ответил Ему: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго» (Ин. 6, 68—69). 3. Так говорит Петр, на котором была воздвигнута Церковь; он учит от имени Церкви, что если из нее уйдет упрямая толпа гордецов, не желающая повиноваться, то Церковь от Христа не отойдет, а для Него Церковь — это народ, объединившийся вокруг своего епископа; стадо, ни на шаг не отстающее от своего пастыря. Ты должен понять, что епископ в Церкви, а Церковь в епископе и кто не с епископом, тот не в Церкви. Напрасно тешат себя те, кто не живет в мире с епископами Божиими, куда-то втираются и думают, что они тайком у кого-то причащаются. Православная Церковь едина; она не может быть ни разорвана, ни разделена; епископы, крепко между собой связанные, представляют как бы клей, ее скрепляющий.

IX

1. Итак, брат, если ты подумаешь о всемогущем Боге, Который епископов ставит, если оглянешься, наконец, на Христа, Который, присутствуя в Церкви, руководит по Своему усмотрению и по Своей воле и самими начальствующими и самой Церковью вместе с начальствующими; если поверишь в невинность епископов, слушаясь не людской злобы, а суда Божия; если хоть поздно, но покаешься в своем безрассудстве, гордости и заносчивости; если полностью умилившись Господа и Христа Его, Которому я служу и Которому неизменно, во время и гонения и мира, приношу жертву, тогда можно будет говорить об общении с тобой, храня благоговейный страх пред наказанием Божиим. 2. И предварительно я попрошу у Господа моего знака и совета: разрешит ли Он дать тебе «мир» и принять в общение со Святой Церковью?

X

1. Я помню о том, что мне, послушному и робкому рабу, было показано, вернее, предписано Господним, Божественным повелением. Между прочими знамениями и откровениями, которых Он меня удостоил, есть и такое. «Кто не верил в Христа, назначающего епископа, уверует в Него, отмещающего за епископа». 2. Я знаю, правда, что некоторым — во всяком случае тем, которые предпочитают верить не епископу, а наветам на епископов, — они кажутся смешными, а видения нелепыми. Не удивительно: и братья сказали об Иосифе: «Вот идет сновидец; пойдем теперь и убьем его» (Быт. 37, 19—20), но сны сновидца осуществились, и убийцы и продавцы пришли в смятение: не верившие раньше словам должны были поверить, когда эти слова осуществились. 3. О том, что ты делал в гонение или спокойное время, мне было бы глупо судить: ведь ты поставил себя моим судьей. Я ответил тебе по чистой совести, полагаясь на Господа и Бога моего. У тебя мое письмо, у меня — твое. В день Суда, пред судилищем Христовым будет прочтено то и другое.

Письмо 67-е

Киприан, Цецилий, Прим, Поликарп, Никомед, Лукиан, Сукцес, Садат, Фортунат, Януарий, Секудин, Помпоний, Гонорат, Виктор, Аврелий. Саттий, Петр, Януарий второй, Сатурний, Аврелий второй, Венантий, Квиет, Рогатиан, Тенакс, Феликс, Фавст, Квинт, Сатурний второй, Лукий. Винцентий, Либоз, Гемний, Марцелл, Иамб, Адельфий, Викторин и Па-

вел — священнику Феликсу и христианам Легнона и Астурики¹, а также диакону Элию и народу в Эмерите²: привет наш в Господе.

I

На Соборе³ прочли мы письмо ваше, возлюбленные братья, которое прислали вы через наших епископов Феликса и Сабина. Вы написали его, побуждаемые своей чистой верой и страхом Божиим: вы сообщаете, что Василиду и Марциалу, запятнанным свидетельствами о принесении идольской жертвы и отягощенным сознанием ужасных, совершённых ими преступлений, не подобает быть епископами и выполнять обязанности Божиих священников. Вы желаете от нас ответа и утешения или помощи в этой вашей справедливой и неизбежной тревоге. 2. Ответом на ваше желание будет не столько наш совет, сколько Божия заповедь: давно уже голосом свыше, законом Господним предписано, каким людям подобает служить пред алтарем и приносить жертвы. В «Исходе» Бог говорит Моисею так: «Священники, приближающиеся к Господу Богу, должны освятить себя, чтобы не оставил их Господь» (Исх. 19, 22), и еще: «И когда подходят служить к алтарю Святого, да не приводят с собой греха, чтобы им не умереть» (Исх. 20, 20). И в книге Левит учит Господь: «Человек с пятном или пороком не должен приступать, чтобы принести дары Богу» (Лев. 21, 17).

II

1. Давно уже имеются у нас эти указания, и мы обязаны покорно Божиим указаниям повиноваться и в таком деле не взирая на лица: можно ли по человеческой снисходительности быть широким там, где это идет наперекор Божественному закону? Мы не должны забывать слов, сказанных через пророка Исаию Господом. Он негодовал на то, что, забыв заповеди Божии, они следуют учениям человеческим: «Народ этот чтит Меня языком своим, сердце же его далеко отстоит от Меня. Благоговение их передо Мною есть изучение заповедей человеческих» (Ис. 29, 13). Господь повторяет то же в Евангелии: «Вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти предание» (Мк. 7, 9). 2. Имея перед глазами эти наставления, внимательно и благоговейно сообразуясь с ними при поставлении епископов, мы должны выбирать в предстоятелей ваших только людей чистых и незапятнанных, которые свято и достойно будут возносить жертву Богу, чьи молитвы о благосостоянии народа Божиего могут быть услышаны. Написано ведь: «Грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин. 9, 31). Поэтому с великой осмотрительностью, по нелицеприятному расследовании, надлежит выбирать в епископы людей, которых Господь несомненно услышит.

III

1. Пусть народ не льстит себя мыслью, что его не коснется греховная зараза, хотя он и общается с грешным епископом, хотя услужливо и согласился на незаконное и несправедливое занятие епископского места этим главой. Господь через пророка Осию грозит таким наказанием: «Жертвы их как хлеб похоронный; все, кто будут есть его, осквернятся» (Ос. 9, 4): это, конечно, указание на то, что опутаны грехом вообще все, кого осквернила жертва, приносимая епископом неправедным. 2. То же самое найдем мы и в «Числах», в рассказе о том, как Корей, Дафан и

Авирон, восстав на священника Аарона, дерзко присвоили себе право приносить жертву. И Господь через Моисея повелел народу отойти от них, чтобы, общаясь с людьми преступными, не наложить и на себя вины: «Отойдите от шатров нечестивых закоренелых людей сих, и не прикасайтесь ни к чему, что принадлежит им, чтобы не погибнуть вам вместе от греха их» (Числ. 16, 26). Поэтому-то народ, повинующийся наставлениям Господним и боящийся Бога, должен отойти от грешного главы и не бывать на службах епископа-кошунника, тем более, что он имеет полную возможность и выбирать достойных епископов и удалять недостойных.

IV

1. Есть, как видим, Божие соизволение на то, чтобы епископа выбирали в присутствии народа, на глазах у всех, чтобы голосом всех засвидетельствовано было, что он достоин этого места и годится занять его; Господь так говорит Моисею в «Числах»: «Возьми Аарона, брата твоего, и Елеазара, сына его, и возведи их на гору перед всем обществом, и сними с Аарона одежды его, и облеку в них Елеазара, сына его, и пусть Аарон отойдет и умрет там» (Числ. 20, 25—26). 2. Перед всем народом велит Господь ставить первосвященника, иначе говоря, учит нас, что посвящать в священнические звания следует не иначе, как с ведома и согласия народа, чье присутствие дает возможность и раскрыть преступления плохих людей и объявить о заслугах хороших; посвящение будет правильным и законным, если оно проверено общим суждением и согласием. 3. Впоследствии это соблюдалось в согласии с учением Господним; когда требовалось поставить епископа на место Иуды, Петр обратился к народу: «Петр, став среди учеников, обратился к народу; была же толпа...» (Деян. 1, 15). Мы знаем, что апостолы соблюдали это при посвящении не только священников и епископов, но и диаконов, о чем и написано в «Деяниях»: «Тогда двенадцать апостолов, созвав множество учеников, сказали им...» (Деян. 6, 2). 4. Действовали так внимательно и осторожно и сзывали весь народ, чтобы на служение алтарю или на епископское место не втерся человек недостойный. Что посвящать недостойных не по Божию изволению, а по человеческому сомнению Богу не угодно, как вообще все, что не согласуется с законным и справедливым избранием, об этом Он Сам говорит через пророка Осию: «Поставляли царя себе сами, без Меня» (Ос. 8. 4).

V

1. Поэтому надо тщательно хранить Господень завет и придерживаться того, чего придерживаемся и мы и почти все провинции: епископ поставлен правильно, если туда, где будет поставление, съезжаются ближайшие епископы этой же провинции и епископа выбирают в присутствии народа, который досконально знает жизнь каждого и, общаясь с ним, видит его насквозь. 2. Так происходило и у вас с поставлением собрата нашего Сабина: с согласия всех братьев и по решению епископов, которые или присутствовали лично, или написали вам письмо о нем, он получил епископство и назначен на место Василида. 3. Посвящение, законно совершённое, не может считаться недействительным потому, что, когда преступления Василида были изобличены и раскрыты его собственным признанием, он отправился в Рим, обманул нашего собрата Стефана⁴, за дальностью расстояния не знающего истинного положения дел, и вы-

просил несправедливое восстановление в епископстве, которого справедливо был лишен. Этим Василид не зачеркнул своих преступлений, а только завершил их: к прежним грехам прибавились еще лукавство и преступный обман. 4. Не так уж виноват тот, кто по небрежности допустил к себе втереться; проклят обманом втершийся. Если, однако, Василид мог втереться к людям, к Богу он не вотрется, ибо написано: «Бог осмеян не бывает» (Гал. 6, 7). И Марциалу ложь не поможет: отягощенный великими преступлениями, он не должен оставаться епископом, ибо Апостол говорит: «Епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель» (Тит. 1, 7).

VI

1. Итак, возлюбленные братья, и ваши письма, и утверждения собратьев наших, Феликса и Сабина, и сообщения Феликса из Цезареавгусты⁵, блюдущего веру и защищающего правду, свидетельствуют о том, что Василид и Марциал замараны преступным свидетельством об идолослужении⁶. 2. Василид же запятнан еще и богохульством: заболел и слегши, он похулил Бога, и сам сознался, что богохульствовал. С этой раной на совести он добровольно сложил с себя епископский сан, обратился к покаянию и молитве и считал бы себя вполне счастливым, если бы ему довелось причащаться как мирянину; Марциал, как член коллегии, долго посещал мерзкие и грязные языческие пирушки; сыновей своих, членов той же коллегии, похоронил по языческому обычаю на мирском кладбище, рядом с язычниками⁷; на публичном заседании перед «двухсотенным» прокуратором он засвидетельствовал свое согласие на идолослужение и отрекся от Христа⁸. Есть еще много и других тяжких преступлений, в которых повинны Василид и Марциал. 3. Напрасно такие стараются захватить епископские места; совершенно очевидно, что подобные люди не могут стоять во главе Христовой Церкви и не должны приносить жертву Богу, тем более что уже давно, в согласии с нами и со всеми епископами целого мира, Корнилий, собрат наш, епископ миролюбивый, праведный, удостоенный от Господа мученичества, постановил, что подобных людей можно допускать к покаянию, но следует запретить вступление в клир и принятие священства.

VII

Пусть вас не тревожит, дорогие братья, что у кого-то в последние времена пошатнется вера, исчезнет страх Божий, нет мира и единодушия. Господь возвестил, что так и будет перед концом мира, и апостолы засвидетельствовали, что накануне общей гибели и антихристово пришествия все доброе ослабевает, а злое и вражеское войдет в силу.

VIII

1. И все же, хотя и в последние времена, но в Церкви Божией Евангельское учение не будет настолько забыто, христианское мужество и вера настолько не ослабнут, чтобы не осталось хоть какого-то числа епископов, которых не сокрушит ни упадок добра, ни гибель веры; сильные и стойкие, исполненные страха Божия, будут они поддерживать и благоговение перед величием Божиим и достоинство епископского сана. 2. Будем крепко держать в памяти, что, когда другие подчинились и пали духом. Маттафия мужественно защищал закон Господень; когда евреи растерялись

и стали отходить от веры в Бога, Илия устоял в своей величавой борьбе; Даниила не испугало ни одиночество в чужой стороне, ни упорное гонение, и он неоднократно, мужественно и славно, засвидетельствовал свою веру; трех отроков не сломали угрозы, огням Вавилона противопоставили они свою веру и, пленники, победили царя-победителя. 3. Пусть теперь есть и двурушники и предатели, которые, находясь в Церкви, поднимаются на Церковь и расшатывают веру и правду; большинство хранят ум здравый, религию чистую и душу, преданную только Господу Богу своему. Чужое вероломство не разрушает их христианской веры, а скорее оживляет ее и устремляет к небесной славе, согласно словам блаженного Апостола, который убеждает и говорит: «Что же? Если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3, 3—4). Если же всякий человек лжив и правда только у Бога, то что же должны делать рабы Божии и особенно епископы? — Оставив человеческую ложь и заблуждения, хранить заветы Господни и пребывать в правде Божией.

IX

1. Поэтому, братья возлюбленные, если среди собратьев наших и оказались люди, которые считают, что можно пренебрегать правилами, данными от Бога, и по безрассудству своему общаются с Василидом и Марциалом, то это не должно смущать веры нашей, ибо Дух Святой в псалмах грозит таким людям: «Ты ненавидишь наставления Мои и слова Мои бросаешь за себя. Когда видишь вора, сходишься с ним и с прелюбодеем общаешься» (Пс. 49, 17—18). Он указывает, что те, кто связался с преступниками, становятся соучастниками чужих преступлений. 2. Это же говорит и апостол Павел: «Злоречивые, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, гордецы, изобретательные на зло... они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1, 30—32). Он объявляет, что достойны смерти и будут наказаны не только делающие зло, но и те, кто соглашается на их злые дела. Находящиеся в недозволенном общении с людьми злыми, грешными и не кающимися оскверняются от соприкосновения с виноватыми: объединившись в ошибках, они разделят и наказание. 3. Поэтому, дорогие братья, мы хвалим и ценим тревогу, вызванную вашей чистой верой; убеждаем вас, как можем, письмом своим: не входите в нечестивое общение с грешными и запятнанными епископами; сохраняйте со страхом Божиим вашу крепкую и чистую веру⁹.

Будьте здоровы, дорогие братья.

Письмо 76-е

Киприан — Немезану, Феликсу, Луцию, Феликсу второму, Литию, Полиану, Виктору, Иадеру, Дативу — братьям-епископам, а также священникам, диаконам и прочим братьям, находящимся в рудниках, мученикам Всемоущего Бога Отца и Иисуса Христа Господа нашего и Бога Спасителя нашего¹.

I

1. Слава ваша, блаженные, возлюбленные братья, обязывала бы меня прийти к вам, взглянуть на вас и вас обнять, но, сосланный за исповеда-

ные веры, я не могу выйти за пределы назначенного мне места². Я одна-ко, являюсь к вам тем способом, каким могу: прийти к вам ногами мне не дано, но я с вами любовью и духом своим. В письме раскрою я свою душу, расскажу, как я ликовал, узнав о вашем мужестве и славе. Я не делю ваших страданий, но любовь делает меня вашим товарищем. 2. Могу ли я молчать, заставлю ли свой голос умолкнуть, когда столь много славных дел совершено людьми, мне дорогими! Господь по милости Своей почтил вас: одни опередили вас, закончив свое мученичество, за которое получают венец от Господа, другие в оковах до сих пор ждут в темницах или в рудниках. Вы подаете братьям великий пример, укрепляющий и вооружающий их, этим медлительно тянущимся страданием; вас мучают не спеша, и это увеличивает ваши заслуги: вы получите на небе столько награды, сколько насчитываете теперь мучительных дней. 3. Я не удивляюсь, мужественные, блаженные братья, что так случилось по вашей вере и благочестию; Господь захотел поднять вас на самую вершину славы, ибо всегда в Церкви Его сильны вы были неизменно хранимой верой, твердо соблюдали Божии заповеди, были просты сердцем и невинны, единодушны в любви, скромны и смиренны, усердны в исполнении обязанностей, неусыпны в помощи страдающим, милосердны в попечении о бедных, непоколебимы в защите истины, строги в соблюдении дисциплины. 4. И чтобы не было пробела в вашей доброй деятельности, вы, голосом вашего исповедничества и телесными муками, зовете братьев к свидетельству о Боге. вы — учителя мужества. Паства следует за своими пастырями и подражает их делам, которые видит, и Господь венчает их за равные заслуги в служении Ему.

II

1. Вы были сначала тяжело избиты палками; этой казнью положили вы честное начало своему исповедничеству, и ее не следует презирать. Христианин не боится палок, ибо вся его надежда на Древо: раб Христов видит здесь символ своего спасения; испуленный Древом для жизни вечной, он древом ведом к венцу. 2. Удивительно ли, что вы, сосуды золотые и серебряные, отправлены в рудники, обиталище золота и серебра? Удивительно другое — природа рудников изменилась: раньше они давали золото и серебро, теперь стали забирать их себе. 3. На ноги ваши наложили колодки, и блаженное тело ваше, храм Божий, связали позорными узами, как будто можно вместе с телом связать и дух или запятнать ваше золото прикосновением железа. Для людей, посвятивших себя Богу, благочестиво и мужественно засвидетельствовавших свою веру, — это не узы, а украшения. Скованные ноги для христианина — не позор, а слава. О, ноги, для счастья скованные! Их раскует не кузнец, а Господь. О, ноги, для счастья скованные! Путем спасения направляются они к раю. О, ноги, скованные на время в миру, чтобы быть всегда свободными у Господа! О, ноги, медленно передвигающиеся от колодок и поперечин, но быстро бегущие к Христу путем славы. Пусть злобая и лукавая жестокость держит вас, сколько ей угодно, в своих узах и оковах; вы скоро уйдете с земли и от этих мук в Царство Небесное. 4. Тело в рудниках не покоится на кровати с тюфяками, оно покоится в утешении и ласке Христовой. На земле лежат усталые от работы члены, но если лежат со Христом, то это не наказание. Бани нет, тело заскорузло от грязи и стало противным, но, плотски грязное, оно омыто духовно. Хлеб там выдается скудно.

но «не хлебом единым живет человек, но и словом Божиим» (Лк. 4, 4). Одежды мерзнушим не хватает, но облекшийся во Христа и одет и убожен. Щетиной торчат волосы на полуобритой голове, но глава человека — Христос, и какова бы ваша голова ни была, она прекрасна, потому что отмечена за имя Господне. 5. Все это безобразие, противное и отвратительное для язычников, каким будет вознаграждено великолепием! Земная краткая мука сменится сиянием вечной славы, согласно слову блаженного Апостола: «Господь преобразит уничиженное тело наше, так что оно будет сообразно славному телу Его» (Флп. 3, 21).

III

1. Не чувствуйте, возлюбленные братья, никакого ущерба вашему благочестию и вере оттого, что там служителям Божиим нет возможности совершать Божественную службу. Вы служите ее и приносите жертву Богу драгоценную, славную, которая много поможет вам получить награду на небе, ибо в Священном Писании сказано: «Жертва Богу дух сокрушенный, сердца сокрушенного и смиренного Бог не презирает» (Пс. 50, 19). 2. Эту жертву приносите вы Богу. Эту жертву совершаете непрерывно днем и ночью; сами вы стали жертвой Богу, предлагая себя как святых и непорочных овец на заклание, по слову Апостола: «Умоляю вас, братья, милосердием Божиим, предоставьте тела ваши в жертву живую, святую, угодную Богу... не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 1—2).

IV

1. Вот что особенно угодно Богу, вот за что к делам вашим особенно благоволит Бог, вот чем единственно по своей вере и преданности можем мы возблагодарить Бога за Его великие и спасительные благодеяния. Об этом сказано в псалмах и засвидетельствовано Духом Святым: «Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения приму, и имя Господне призову... Дорога в очах Господних смерть святых Его» (Пс. 115, 3—4, 6). 2. Кто же с охотой и готовностью не примет чашу спасения, кто не устремится в радости и веселии хоть чем-нибудь воздать Господу своему, кто не встретит стойко и мужественно смерть, дорогую в очах Божиих? Он угодит Богу, Который с одобрением взирает с небес на нас, сражающихся за Него, помогает борющимся, венчает победителей, вознаграждая нас по Отчей благодати и любви за то, что дал Сам, и оказывая честь тому, что Сам усовершил.

V

1. Наша победа — Его дело; о том, почему, повергнув противника, получаем мы пальмовую ветвь в великом состязании, сказано Господом в Евангелии: «Когда будут предавать вас, не заботьтесь, как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10, 19—20). И еще: «Положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать. Ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противостоять противники ваши» (Лк. 21, 14—15). 2. В этом и великое упование верующих, и тяжчайшая вина безбожников: не верить Тому, Кто обещал подать помощь

Свою исповедникам, и не бояться Его, грозящего вечными муками отрекшимся.

VI

1. Все это, мужественные и верные воины Христовы, внушили вы братьям нашим, осуществив на деле то, чему раньше учили на словах. Велики вы будете в Царствии Небесном, ибо Господь пообещал: «Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5, 19). Очень много людей, последовавших вашему примеру: как вы, исповедали они Христа, как вы, были увенчаны. Их связали с вами узы крепкой любви, и ни темница, ни рудники не смогли отвести их от вас, своих вождей. В числе их есть и девицы; к урожаю своему в 60 они прибавили стократный³ и получили небесный венец, осиянные двойной славой (Мф. 13, 8). И дети в славном исповедании своем превзошли мужеством свой возраст: да украсит блаженный ваш отряд мучеников всяк пол и возраст.

VII

1. Как сильно сейчас, дорогие братья, у вас сознание победы! Как высока ваша душа, как ликует разум и торжествует сердце! Каждый из вас стоит перед Богом, ожидая обещанной награды, не беспокоясь о дне Суда. Узник в рудниках, с душой царственной, он знает, что Христос рядом с ним, и Он радуется на терпение рабов Своих, радостно идущих к вечному Царству по Его следам, по Его пути. 2. Ежедневно ожидаете вы счастливого дня своего отбытия; готовы вот-вот уйти из мира, торопитесь к награде мучеников в Божию обитель. После земного мрака вы увидите ослепительный свет и получите славу, перед которой ничто все страдания и все волнения. Об этом свидетельствует и Апостол: «Нынешние временные страдания ничего не стоят по сравнению с тою славой, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18). 3. А так как ваша молитва теперь сильнее и получить вам то, о чем вы просите в страданиях, легче, то просите и молитесь настоятельно, чтобы Господь удостоил всех завершить свое исповедание, чтобы вместе с вами и нас, в чести и славе, Господь освободил от земного мрака и земных сетей, чтобы мы, вместе с вами в любви и мире противостоявшие обидам и угнетению от язычников, вместе радовались в Царстве Небесном.

Будьте здоровы, блаженные и мужественные братья, помните и нас всегда и везде.

ПРИМЕЧАНИЯ

К письму 33-му.

¹ Письмо его, обращенное к «павшим», т. е. к отступникам, было ответом на их письмо, до нас не дошедшее. Авторы его, судя по ответу Киприана, требовали скорейшего принятия их обратно в Церковь.

² Христианское общество считало, что молитва мучеников сильна перед Богом и ходатайство их за грешника умиляет Господа. Мученики сами были преисполнены сознания своего достоинства, и врагам святителя Киприана, желавшим подорвать его авторитет и лишить епископской кафедры, не стоило труда убедить их, обычно людей без всякого богословского образования, что они имеют право отпустить «павшим» грех отступничества и сразу же вернуть их в Церковь. «В угаре своей славы» (п. 16, III, 2) они стали «огулом» (gregatim — п. 27, I, 1) выдавать «разрешительные записки» (libelli) такого содержания: «Пусть такой-то со своими будет допущен к Причастию» (п. 15, IV). Святитель Киприан твердо держался церковных правил: право «вязать и решать» дано лишь членам церковной иерархии, и отступников Церковь может принять только

после длительного покаяния. В результате между святителем Киприаном и его паствой возникли большие трения.

³ «Мир» (рах) в церковном языке того времени означал примирение с Церковью, возвращение в ее лоно.

К письму 59-му

¹ Аколуп (буквально «спутник») — один из низших чинов клира, которого часто посылали с письмами и разными поручениями.

² Влиятельный и богатый карфагенянин, один из главных организаторов Церкви и выбравшей себе своего епископа (гора — холм в Карфагене, где жил Фелициссим и где собирались раскольники). Святитель Киприан отлучил Фелициссима и «иже с ним» от Церкви.

³ Послы от Фелициссима привезли с собой письма, содержавшие множество обвинений против святителя Киприана.

⁴ Далее святитель Киприан говорит о себе.

⁵ Фортунат, карфагенский священник, был поставлен раскольниками епископом.

⁶ Это соборное постановление до нас не дошло. Что касается пятерых священников, то это те, которые противились избранию святителя Киприана в епископы. Он упоминает их в одном письме.

⁷ Список этот до нас не дошел.

⁸ Приват, епископ в Ламбезе, был осужден как еретик на Соборе, бывшем еще до епископства святителя Киприана.

⁹ В 251 г.

¹⁰ Место неизвестное.

¹¹ Собор 251 г.

¹² Так называлось место в любом городе, где стоял главный храм в честь Юпитера, Юноны и Минервы.

К письму 66-му

¹ «Тасций» — прозвище святителя Киприана, данное ему, может быть, по его родне. Флорентий происходил из богатой муниципальной семьи города Тевеста на границе с Нумидией (ныне Тебесса). Он порвал со святителем Киприаном и перешел на сторону Фелициссима. Письмо относится к 254—55 гг.

² Имущество святителя Киприана было частично конфисковано еще при Деции.

³ Древние не знали, что «царь пчел» — это пчелиная матка. Открытие это было сделано только в XVIII в.

К письму 67-му

¹ Легион и Астурика — города Лион и Асторга в Испании в провинции Леон.

² Эмерита — ныне город Мериды в Эстремадуре.

³ Он собирался осенью 254 г.

⁴ Тогдашнего епископа Римского, в ведении которого находились христианские общины Испании.

⁵ Нынешняя Сарагосса.

⁶ Принесший жертву получал «свидетельство о благонадежности», подтверждавшее принесение им жертвы. Эти свидетельства изготовлялись в канцелярии магистрата, которому поручена была проверка «благонадежности» в данном городе или округе, и скоро стали предметом бойкой торговли. Люди, не желавшие принести жертву, но боявшиеся открыто заявить себя христианами, заказывали мелким канцелярским служащим такие свидетельства, которые за деньги им и изготовлялись.

⁷ Марциал был, видимо, членом одной из таких коллегий, которые эвфимистически назывались «спасительными»: членами их были люди, обладавшие средствами скромными и желавшие обеспечить себе пристойное погребение. Из взносов — вступительного и ежемесячных — каждого члена возникала «похоронная касса», откуда и выдавались деньги на похороны. У каждой коллегии были, кроме деловых собраний, и праздничные, отмечавшиеся пирушками. Судя по одной надписи из маленького городка под Римом, подробно излагающей все порядки такой пирушки и ее меню, пирушки эти были и торжественными и очень скромными: на роскошное пиршество средств у членов коллегии не было. Окрепшая коллегия обычно обзаводилась участком земли для своих членов. На таком кладбище Марциал и похоронил своих сыновей. У христиан были свои, отдельные от языческих, кладбища.

⁸ Прокуратор — императорский чиновник, ведавший определенным округом. «Дехотенным» он назван по своей «зарплате»: 200 тысяч сестерций.

⁹ Из этого письма видно, как велик был авторитет святителя Киприана. Общины, подчиненные Римскому епископу, обращаются за разрешением своих тревог и сомнений не к нему, а к святителю Киприану.

К письму 76-му

¹ Девять Нумидийских епископов и еще какое-то число клириков были сосланы в рудники Сигуза, находившиеся тоже в Нумидии. Ссылка в рудники была самой тяжелой формой каторжных работ.

² Святитель Киприан был выслан в Керубис, приморский городок, километрах в 150 от Карфагена. Покидать место высылки было запрещено.

³ Развивая мысль о сеятеле, святитель Киприан считает, что мученики принесли «плод во сто крат»; девственницы — в 60, но этот свой урожай они дополняли став мученицами.
